Б
Р

КРАСОТА ВЪ ПРИРОДѢ

и

ЕЯ СМЫСЛЪ.

В. Розанова.

X

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе*).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2004

Дозволено цензурой. Москва, октября 6 дня 1895 г.

Б Р
Р

232796

СССР. ИНСТИТУТ

Въ одной изъ книжекъ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ останавливаетъ на себѣ вниманіе разсужденіе нашего извѣстнаго философа и публициста, г. Вл. Соловьева—„Красота въ природѣ“. Трудность предмета, которому посвящена она, невольно заставляетъ прислушиваться къ каждой мысли о немъ; а когда мы знаемъ, что эти мысли принадлежатъ человѣку испытанныхъ способностей, наше вниманіе удваивается. И въ самомъ дѣлѣ, объяснить, почему звѣздное небо нравится намъ болѣе, нежели оно же въ полдень, при яркомъ сіяніи солнца [1], отчего мы любуемся радугой или наслаждаемся пѣніемъ соловья,—это не только важно въ виду ежедневно испытываемыхъ нами подобныхъ ощущеній и тѣсной связи ихъ съ поэтическимъ и художественнымъ творчествомъ, но и труднѣе, быть можетъ, нежели разрѣшеніе какого бы то ни было другаго вопроса въ наукѣ. Здѣсь мы соприкасаемся съ темною и обширною областью чувствъ, которыя такъ неуловимы въ своемъ зарожденіи и переливахъ, что иногда даже простая попытка закрѣпить ихъ словомъ, передать другому въ описаніи—представляется намъ грубою и несовершенною; и тѣмъ менѣе ожидаемъ мы удачи, тѣмъ болѣе опасаемся грубости, когда видимъ желаніе опредѣлить ихъ сущность и причину. Вотъ почему нисколько не удивительно, что здѣсь рѣзче нежели гдѣ-нибудь выразилось чрезмѣрное неравенство нашего (мы говоримъ о русскихъ) эстетическаго и умственнаго развитія. Въ то время какъ ощущенія эти, въ теченіе долгихъ столѣтій испытываемыя нашимъ народомъ, нашли и въ темныхъ нѣдрахъ его, и въ болѣе развитыхъ его представителяхъ поэтическіе способы выраженія, и

[1] На звѣздное небо мы можемъ *смотрѣть* долго, *не отрываясь*, и при этомъ вовсе не разсматривая на немъ созвѣздій; днемъ на небо мы можемъ только *взглянуть*, *полюбоваться* имъ, *восхититься*, вообще пережить моментъ наслажденія, но не наслажденіе длящееся.

иногда въ несравненно высокой формѣ,—ни разу не нашлось среди его достаточно сильной мысли, которая задумалась бы надъ этими ощущеніями, анализировала ихъ и попыталась объяснить.

Вотъ почему со всѣмъ недостающимъ, что есть въ подобной попыткѣ, мы готовы примириться, если въ томъ, что она даетъ положительнаго, есть хотя какой-нибудь объясняющій свѣтъ. И это двоякое ощущеніе—удовлетворенности и сознанія недостатка—испытывается невольно при чтеніи только что названной статьи. Почти повсюду авторъ ея не только открываетъ подступы къ рѣшенію неизмѣримо трудной задачи, но и восходя на пихъ—бросаетъ свѣтлыя мысли на всѣ ея отдѣльныя стороны. Нѣкоторое единство въ нескончаемо разнообразныхъ проявленіяхъ красоты, скрытая сущность того, что именно выражается въ ней,—все это указывается имъ, опредѣляется порой съ удивительнымъ искусствомъ, и, прочтя ее, всякій получаетъ хоть какую-нибудь возможность думать о томъ, о чемъ онъ раньше совсѣмъ и ничего не могъ думать. Но этой положительной сторонѣ сопутствуетъ постоянно одинъ недостатокъ, и онъ едва ли будетъ когда-нибудь совершенно возмѣщенъ въ эстетикѣ: мы говоримъ объ особомъ характерѣ доказательствъ, сопровождающихъ положительныя указанія, который всегда оставляетъ возможность не принимать послѣднія. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли еще когда-нибудь будетъ открыта для науки область явленій, гдѣ основательныя утвержденія будутъ такъ же трудны, какъ въ отношеніи явленій красоты, и гдѣ возраженія были бы такъ легки. Обычные пріемы доказательствъ, употребительные въ другихъ наукахъ, почти не приложимы здѣсь, и вся убѣдительность утвержденій основывается на *аналогіяхъ*, на *уподобленіяхъ*, на томъ, что мысль утверждающаго *безъ внутреннихъ противорѣчій*, не измѣняя самой себѣ и своей исходной точкѣ, находитъ возможнымъ касаться разнообразныхъ сферъ прекраснаго. Если, при этомъ, она не встрѣчаетъ непреодолимаго противорѣчія въ самыхъ фактахъ, если переходя отъ міра образовъ къ міру звуковъ, и отъ человѣческаго творчества—къ окружающей природѣ, она нигдѣ не обрывается, мы уже внутренно сочувствуемъ ей, какъ бы ни были шатки и смутны ея основы, мы уже сомнѣваемся, не близка ли она въ самомъ дѣлѣ къ истинѣ, которой предстоитъ, быть можетъ, остаться здѣсь окутанною вѣчнымъ сумракомъ. Правдоподобность догадокъ о томъ, чего мы не можемъ и однако-же хотимъ знать — вотъ истинное опредѣленіе

научной достовѣрности эстетическихъ разсужденій какъ теперь, такъ, вѣроятно, и въ далекомъ будущемъ.

Можно сожалѣть, какъ о недостаткѣ строгости къ себѣ, о томъ, что г. Вл. Соловьевъ не оговорилъ точно этой степени достовѣрности высказываемыхъ имъ соображеній. Любя истину, мы не только должны стремиться къ ней, но и твердо знать, когда ея не достигаемъ; и въ послѣднемъ случаѣ бережно должны предостерегать каждаго, кто могъ бы принять насъ за обладающихъ ею. Какъ ни готовы мы сочувствовать его мыслямъ о томъ, что всѣ проявленія красоты въ физической, безжизненной природѣ зависятъ отъ проникновенія грубой, косной матеріи свѣтовымъ эѳиромъ, какъ первою реализаціей идеи, мы конечно не должны забывать, что это только слова, сложившіяся въ нѣкоторое понятіе, но не истина, опирающаяся на какіе-нибудь доводы. Но, повторяемъ, доказывать что-либо въ этой непроницаемо темной области науки такъ трудно, а опровергать такъ легко, что едва ли можетъ у кого-нибудь пробудиться желаніе избрать для себя второе, возложивъ на другихъ первое. Въ общемъ, всѣ соображенія г. Вл. Соловьева о красотѣ въ механически устроенной, внѣшней природѣ если и не обоснованы, то такъ внутренно связаны, что они совершенно имѣютъ ту слабую степень убѣдительности, которая одна только достижима здѣсь.

Но этого нельзя сказать о второй половинѣ его статьи, гдѣ онъ занимается разборомъ явленій красоты въ органической природѣ. Ошибки, въ которыя онъ впадаетъ здѣсь, такъ грубы, что ихъ можно было бы принять за простую небрежность языка, если бы и помимо его статьи онѣ не повторялись слишкомъ часто, постоянно и всегда въ одной и той же формѣ. Здѣсь, очевидно, скрывается не небрежность въ словѣ, но небрежность въ мысли, совершенно правильно выраженной словомъ.

Ошибка эта, всецѣло перенесенная г. Вл. Соловьевымъ въ свою статью изъ естественно-научныхъ произведеній и въ особенности изъ трудовъ Ч. Дарвина, касается вопроса о томъ, *какъ произошли прекрасныя формы въ царствѣ животныхъ и растеній, какимъ образомъ онѣ ощущаются первыми и что именно это ощущеніе вызываетъ собою?* Дарвинъ, повторяя въ примѣненіи къ разсматриваемой области свой обычный пріемъ мысли, утверждалъ, что красота *чувствуется* животными, даетъ *преимущество* прекраснѣйшимъ изъ нихъ въ борьбѣ за существованіе

и этимъ путемъ медленно *нарастаетъ* и постоянно *укрѣпляется*. Въ этомъ изгибѣ мышленія, въ этой новой связи понятій, порозь всегда извѣстныхъ, въ сущности скрытъ весь дарвинизмъ; въ немъ англійскій ученый далъ *методъ* объясненія природы; онъ *создалъ какъ бы новый силлогизмъ*, подъ формулу котораго стали подводиться всевозможныя явленія животной, растительной и даже человѣческой жизни; и нельзя не замѣтить, что какъ бы ни съузилась со временемъ примѣнимость этой формулы, какъ бы много областей дѣйствительности ни оказались изъятыми изъ ея приложенія, хотя бы изъята была даже вся органическая природа — однако въ абстрактномъ своемъ видѣ, и прилагаемая хотя бы только къ мельчайшимъ деталямъ, эта формула сохранится навсегда. „Полезное *охраняетъ*, поэтому *сохраняется* само, и, суммируясь въ вѣкахъ, является какъ новая черта органическаго сложенія, какъ прежде не бывшій органъ“ — это такъ просто, такъ наконецъ, это правдоподобно, (по крайней мѣрѣ—до послѣдняго умозаключенія), такъ дѣйствительно, что, въ примѣненіи къ органамъ-ли или чему другому, человѣкъ ранѣе, нежели прибѣгнетъ къ другимъ болѣе сложнымъ пріемамъ мысли, всегда повторитъ за Дарвиномъ этотъ простѣйшій. Въ данной разсматриваемой области, въ области явленій красоты, г. Вл. Соловьевъ находитъ удобнымъ повторить этотъ именно кругъ мысли, и здѣсь-то, почти повторяя Ч. Дарвина, онъ и впадаетъ въ тѣ ошибки, о которыхъ мы упомянули, какъ объ очень грубыхъ, и хотѣли бы ихъ здѣсь поправить.

I.

„Жизнь животнаго“, говоритъ г. Вл. Соловьевъ, „опредѣляется двумя главными интересами: поддерживать себя посредствомъ питанія и увѣковѣчивать свой видъ посредствомъ размноженія. Эта послѣдняя цѣль, разумѣется, не существуетъ въ сознаніи самого животнаго, а достигается природою косвенно чрезъ возбужденіе половаго влеченія въ разнополыхъ особяхъ. Но космическій художникъ пользуется этимъ половымъ влеченіемъ не только для увѣковѣченія, но и для украшенія данныхъ животныхъ формъ. Особи активнаго пола, самцы—преслѣдуютъ самку

и вступаютъ изъ-за нея въ борьбу другъ съ другомъ; и вотъ оказывается, по словамъ Дарвина, что способность различнымъ образомъ *прельщать* самку (курсивъ принадлежитъ автору) имѣетъ въ различныхъ случаяхъ бо́льшее значеніе, нежели способность побѣждать другихъ самцовъ въ открытомъ бою.“

Здѣсь указывается пока, что красота, даваемая животнымъ природою, употребляется ими какъ нѣкоторое средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей, что они *ощущаютъ* ее и *пользуются* ею. Въ примѣрѣ слизняковъ и нѣкоторыхъ другихъ низшихъ животныхъ, который затѣмъ приводитъ г. Вл. Соловьевъ, у него какъ будто скользитъ уже мысль, что эта красота не только ощущается животными и они пользуются ею, но что до извѣстной степени, иногда по крайней мѣрѣ, они и *создаютъ* ее или *усиливаютъ* въ тѣхъ же внѣшнихъ цѣляхъ: „если улитки плѣняютъ другъ друга своими аллюрами, то другіе, болѣе зрячіе моллюски еще легче могутъ оказывать подобное дѣйствіе красотою своихъ раковинъ.“ Здѣсь привлекательность движеній, очевидно *произвольно* и *преднамѣренно* совершаемыхъ, уравнивается, какъ средство привлеченія самокъ, съ красотою цвѣта, и не отличается, что послѣдній не можетъ быть созданъ произвольно и преднамѣренно существами, которымъ онъ присущъ. Слова, заканчивающія приводимый примѣръ, также мало могутъ разсѣять это недоразумѣніе: „дѣло яснѣе“, говоритъ онъ, „у ракообразныхъ и пауковъ; здѣсь самцы нѣкоторыхъ видовъ пріобрѣтаютъ во время половой зрѣлости яркую и разнообразную окраску, какой не имѣли прежде и какая отсутствуетъ у самокъ.“ Такъ какъ этотъ признакъ появляется, когда онъ нуженъ, и исчезаетъ, когда перестаетъ быть нужнымъ, то у читателя естественно можетъ возникнуть мысль, что онъ создается, и именно въ интересахъ достиженія нѣкоторой внѣшней цѣли (привлеченія самокъ). Слѣдующій примѣръ еще болѣе можетъ укрѣпить въ читателѣ эту мысль: „Фрицъ Мюллеръ пишетъ Дарвину изъ южной Бразиліи, что онъ часто присутствовалъ при музыкальномъ *состязаніи* между двумя или тремя самцами цикады, имѣвшими особенно звонкій голосъ и сидѣвшими на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Какъ только одинъ кончалъ свою пѣсню, такъ сейчасъ же начиналъ другой, и такимъ образомъ они все время чередовались между собою. Такъ какъ здѣсь, справедливо замѣчаетъ Дарвинъ, обнаруживается столько соперничества между самцами, то весьма вѣроятно, что самки не только распознаютъ

ихъ по издаваемымъ ими звукамъ, но что онѣ, подобно птичьимъ самкамъ, *прельщаются* или возбуждаются тѣмъ изъ самцовъ, который обладаетъ *самымъ привлекательнымъ голосомъ*". И далѣе: „у насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ отряду Neuroptera, замѣчается не только особенное украшеніе крыльевъ у самцовъ передъ спариваньемъ, но наблюдается у разныхъ видовъ предпочтеніе того или другого цвѣта... У нѣкоторыхъ видовъ жуковъ самцы отличаются огромными и весьма измѣнчивыми и причудливыми рогами, которые, какъ доказываетъ Дарвинъ, несомнѣнно имѣютъ характеръ украшенія для прельщенія самокъ"... „У многихъ видовъ бабочекъ замѣчается, что верхняя поверхность крыльевъ (въ противоположность нижней), которую *порхающій самецъ показываетъ самкѣ во время ухаживанія*, раскрашена и разрисована съ такимъ причудливымъ изяществомъ, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія въ преобладаніи здѣсь чисто эстетическаго фактора".

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, которые приведены, но не объяснены и даже не разграничены, ясно высказывается мысль о нѣкоторомъ участіи живыхъ существъ въ созданіи тѣхъ прекрасныхъ формъ, которыхъ они являются носителями. Силою какого-то внутренняго напряженія они какъ будто или вызываютъ эту красоту, или усиливаютъ ее, и дѣлаютъ это чтобы привлечь къ себѣ особей другого пола. Въ примѣрѣ цикадъ, соперничающихъ музыкальностью и силой издаваемыхъ ими звуковъ—это ясно; но и другіе факты выраженія красоты въ природѣ поставлены въ рядъ съ этимъ примѣромъ и ихъ отличіе отъ него не оговорено ни однимъ словомъ. Въ приводимыхъ далѣе примѣрахъ видно, что авторъ и дѣйствительно приравниваетъ (по произвольности выраженія) „яркую и разнообразную окраску" нѣкоторыхъ пауковъ и ракообразныхъ во время половой зрѣлости—къ звукамъ, которые издаютъ тропическія цикады:

„*Неравнодушны*", говоритъ онъ, „къ красотѣ и рыбы. *Этимъ только объясняется, что* у многихъ видовъ этого класса *самцы* (вообще болѣе красивые, чѣмъ самки) *развиваютъ во время спариванія особую красоту цвѣтовъ и формъ*". Здѣсь прямо выражено, что окраска наружныхъ покрововъ производится предназначенно живыми существами для достиженія внѣшней цѣли, привлеченія самокъ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ къ этой произвольности присоединяются и черты какъ-бы нѣкоторой кокетливости; „самцы тритоновъ *напыляютъ* своихъ подругъ *красивыми гребнями*, а у лягушекъ только самцы же, и *лишь во время ухаживанья, даютъ свои концерты*... Въ одномъ родѣ ящерицъ (Sitana) горло самцовъ снабжено большимъ, ярко окрашеннымъ (во время спариванья) кожанымъ придаткомъ, который *они распускаютъ, какъ вееръ передъ самками*... Птицы почти всѣ *основываютъ свои брачные успѣхи на обнаруживаніи того или другаго эстетическаго свойства*, причемъ замѣчается, что блестящая окраска и способность къ благозвучному пѣнію обыкновенно не совпадаютъ, но слабость одного изъ этихъ преимуществъ возмѣщается развитіемъ другаго. Всего любопытнѣе у птицъ то, что онѣ *явно сознательно относятся къ своей красотѣ и тщеславятся ею* не только *предъ самками*, но и передъ посторонними наблюдателями. Самъ Дарвинъ не рѣдко видѣлъ, что *павлинъ щеголялъ* своимъ уборомъ не только передъ курами, но и передъ свиньями. Всѣ естествоиспытатели, внимательно наблюдавшіе птицъ какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ, единогласно утверждаютъ, что *самцы находятъ удовольствіе* въ томъ, чтобы *выставлять напоказъ свою красоту* (курсивъ вездѣ принадлежитъ намъ).

Этимъ исчерпываются приводимые г. Вл. Соловьевымъ примѣры, которые онъ заимствовалъ изъ книги Ч. Дарвина „Происхожденіе человѣка и половой подборъ" и въ объясненіи смысла которыхъ онъ не расходится съ англійскимъ ученымъ. Какъ общій итогъ всѣхъ своихъ мыслей о красотѣ органическихъ формъ, онъ произноситъ, въ самомъ концѣ своей статьи, слѣдующее сужденіе: „въ мірѣ животныхъ общая космическая цѣль („воплощеніе реальной идеи, то-есть, свѣта и жизни, въ различныхъ формахъ природной красоты", какъ сказано у него ранѣе) достигается *при ихъ собственномъ участіи и содѣйствіи*, чрезъ возбужденіе въ нихъ извѣстныхъ внутреннихъ стремленій и чувствъ. *Природа не устроятъ и не украшаетъ животныхъ* какъ внѣшній матеріалъ, *а заставляетъ ихъ самихъ устроить и украшать себя*" (курсивъ внѣ скобокъ принадлежитъ намъ). Человѣкъ, объясняетъ онъ далѣе, только тѣмъ, создавая прекрасное въ искусствахъ, отличается отъ животнаго, что, тогда-какъ послѣднее не сознаетъ высшихъ космическихъ цѣлей воплощенія красоты,—онъ ихъ сознаетъ и къ нимъ стремится осмысленно и свободно.

II.

Вотъ мысли, которыя нельзя не признать величайшимъ заблужденіемъ. Красота признается не только существующею объективно для человѣка, разлитою въ природѣ и ощущаемою человѣкомъ лишь на ряду съ другими живыми существами, но и утверждается, кромѣ того, что она возникаетъ и погасаетъ по мѣрѣ надобности для тѣхъ существъ, которыя являются ея носителями, что она создается ихъ преднамѣренными усиліями. Природа не только прекрасна, утверждаетъ авторъ разбираемой статьи, но она также еще и кокетлива. Именно это послѣднее утвержденіе и представляется намъ грубою ошибкой.

Съ тѣхъ поръ какъ естественныя науки утратили свою связь съ философіей и представители ихъ не изощряютъ болѣе свою мысль на ея тонкихъ и гибкихъ понятіяхъ, сила объясняющаго сужденія замѣчательнымъ образомъ понизилась въ естественно-научныхъ произведеніяхъ. Можно удивляться только, какъ смотря на природу, явленія которой такъ иногда ясно говорятъ о своемъ внутреннемъ смыслѣ — они совершенно не замѣчаютъ этого смысла и говорятъ о ней слова грубыя и темныя. Природа силится имъ сказать о себѣ, но не можетъ и говоритъ только нѣмымъ языкомъ своихъ явленій; а они не понимаютъ этого языка и, видя только ея мучительныя усилія, описываютъ ихъ видъ и форму, не предчувствуя совершенно того, что за ними скрывается. Когда же берутся объяснять ихъ, то начинаютъ говорить что-то искусственное и придуманное, что не только не отвѣчаетъ скрытому смыслу явленій, но и точной формѣ ихъ, простому внѣшнему виду.

Приведенные выше факты и мысль, которою они связаны, могутъ служить однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ подобнаго несоотвѣтствія между дѣйствительностью и теоріей. Всѣ эти факты уже заключаютъ въ себѣ двѣ черты, которыя совершенно роняютъ достоинство объясненій, придуманныхъ для этихъ фактовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ прекрасныя формы и цвѣта, только-что описанные, суть формы и цвѣта *видовые*, а *не индивидуальные*, и, какъ таковые, они не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить къ выгодѣ одной особи передъ другими особями, съ которыми она борется за обладаніе самкой; потому что борется она не съ особями другого вида, которыя могутъ быть менѣе украшены и побѣждены, но всегда и только съ особями своего же вида, которыя всѣ украшены одинаково и поэтому не могутъ быть побѣждены. Только *индивидуальное* отличіе можетъ быть выгодно для особи, только исключительная и частная красота могла бы дать ей какое-нибудь преимущество надъ всѣми остальными въ дѣлѣ привлеченія къ себѣ самокъ. Какъ можемъ мы думать, что красота крыльевъ бабочки-самца служитъ *для* прельщенія самокъ, „которымъ онъ ихъ показываетъ, порхая во время ухаживанья“, если совершенно такія же крылья показываетъ и всякій другой порхающій самецъ? Или, какъ „неравнодушныхъ къ красотѣ рыбъ-самокъ“ самцы могутъ прельщать яркимъ окрашиваніемъ своимъ во время спариванья, если они всѣ окрашиваются одинаковымъ образомъ? Совершенно ясно, что прельщеніе самокъ не играетъ здѣсь никакой роли, что красота формъ и цвѣтовъ въ органической природѣ не есть средство для этого.

Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на то, которому изъ двухъ половъ присущи бываютъ красивые формы и цвѣта, то еще болѣе убѣдимся въ несправедливости приводимыхъ объясненій. Не самки, но именно самцы являются украшенными въ природѣ, *и они же ищутъ и выбираютъ самокъ*, которыя остаются при этомъ пассивными. Еслибы красивые формы и цвѣта служили средствомъ для привлеченія однимъ поломъ особей другого пола, то они, конечно, должны бы находиться на томъ изъ нихъ, который является пассивнымъ при спариваніи. Тогда активно ищущій полъ, привлекаемый красотою (она и здѣсь должна бы быть индивидуальною) однихъ особей сравнительно съ другими, оплодотворялъ бы ихъ преимущественно передъ прочими, за ними утверждалъ бы потомство и тѣмъ укрѣплялъ бы въ природѣ ихъ прекрасныя формы. Но въ дѣйствительности происходитъ явленіе совершенно обратное: выбираемыя являются неукрашенными, а избирающіе красивы, хотя это имъ и не нужно. Если бы самцы, въ красотѣ формъ своего пола, сидѣли неподвижно и ожидали самокъ, или если бы окружая самку они прельщали ее и заставляли приблизиться къ себѣ — тогда преимущество ихъ въ красотѣ было бы понятно. Напротивъ, оно совершенно непонятно, когда

именно самки выжидаютъ неподвижно приближенія самцовъ [1], и во всякомъ случаѣ, при приближеніи нѣсколькихъ изъ нихъ, отдаются ближайшему, а не болѣе красивому, — чего, впрочемъ, и нѣтъ, потому что они всѣ одинаковы.

Эти два соображенія такъ просты и вмѣстѣ такъ убѣдительны, ихъ сила такъ одинаково примѣнима ко всей области органическихъ формъ, что мы не считаемъ необходимымъ развивать ихъ далѣе или прибавлять къ нимъ что-нибудь новое. Но, разъ данное объясненіе красоты въ природѣ неправильно, является потребность найти другое, которое ближе подходило бы къ истинѣ, лучше отвѣчало бы фактамъ.

III.

Нѣкоторыя особенности, встрѣчаемыя постоянно въ явленіяхъ органической красоты и указанныя самимъ Дарвинымъ и другими натуралистами, могутъ пролить свѣтъ на загадочный источникъ, откуда она возникаетъ и развивается.

Если въ растительномъ и животномъ царствахъ красота является не у тѣхъ, кому она могла бы быть нужна (особи женскаго пола), и не въ той формѣ, въ какой единственно могла бы быть полезною (индивидуализированная), и это подтверждается всѣми сдѣланными наблюденіями,— то въ нихъ же, въ этихъ наблюденіяхъ открывается и то, что она повсюду и неизмѣнно является тамъ, гдѣ *жизненная энергія повышается въ своемъ напряженіи*. Прекрасное въ органической природѣ не есть средство для чего-либо и въ созданіи его нѣтъ ни произвола, ни какой-либо искусственности; оно есть непроизвольное и естественное выраженіе жизненной энергіи, особенная форма, въ которую, на ряду съ безчисленными другими формами, эта энергія преобразовывается. Въ существованіи каждой особи и въ жизни цѣлаго органическаго міра мы одинаково наблюдаемъ, какъ повышенія или пониженія ея сопровождаются расцвѣтомъ или померканіемъ и внѣшней красоты, въ чемъ бы она ни выражалась, въ цвѣтахъ, звукахъ или линіяхъ очертанія. Но чтобы

[1] Г. Вл. Соловьевъ самъ выше говоритъ: „особи *активнаго пола*, самцы, преслѣдуютъ самку“ и пр.

сдѣлать яснѣе фактъ этого постояннаго сопутствованія, мы должны точнѣе опредѣлить, что̀ именно разумѣемъ подъ жизненною энергіей.

Вся совокупность растительныхъ и животныхъ формъ, покрывающихъ теперь землю и наполнившихъ нѣкогда ея пласты, признается рядомъ звеньевъ одного великаго и сложнаго процесса, который носитъ названіе *органическаго*. Эти звенья, единичныя *особи* органическаго міра, являются разъединенными другъ отъ друга и мѣстомъ, и временемъ своего индивидуальнаго существованія; но есть одинъ актъ, черезъ который онѣ всѣ соприкасаются между собою и въ силу котораго, именно, мы и признаемъ ихъ лишь *звеньями* цѣлаго, а не совершенно изолированными другъ отъ друга существами, подобными напр. минераламъ: это — актъ рожденія. Въ теченіе всей своей жизни одиноко растущая или прихотливо движущаяся особь является уединенною отъ всѣхъ другихъ, свободною отъ ихъ вліянія и съ ними не связанною; но въ одинъ мигъ своего существованія, первый и самый важный — когда рождается, она примыкаетъ непосредственно къ морю органической жизни, разлитой по землѣ и уже продолжающейся тысячелѣтія; и въ краткія же мгновенія своего послѣдующаго существованія, когда рождаетъ, она соединяется съ тою жизнью, которая останется на землѣ послѣ того, какъ она сама сдѣлается горстью праха. Такимъ образомъ, въ актѣ рожденія соединенъ весь органическій міръ, такъ разъединенный во всемъ остальномъ своемъ существованіи, которое всегда индивидуально. Чрезъ него особь примыкаетъ къ цѣлому и въ немъ же принимаетъ она на себя всѣ невидимыя черты своего сложенія, какъ физическаго, такъ равно и духовнаго. Неощутимымъ образомъ черезъ этотъ актъ цѣлое накидываетъ на появляющееся единичное существо сѣть какъ-бы предѣловъ, изъ которыхъ оно никогда не выйдетъ, въ которыхъ все совершитъ, всего будетъ желать и всего достигнетъ. Такимъ образомъ органическая жизнь, не прерванная на разстояніи тысячелѣтій и связанная на всей землѣ, какъ бы пульсируетъ въ индивидуальномъ существованіи, и судьба каждой особи, отъ рожденія и до смерти, есть только единичное біеніе этой великой жизни, ударъ ея, воспринятый и переданный,—необходимое, хотя и пропадающее мгновеніе въ потокѣ вѣчности. Какъ, по какой формѣ происходитъ это пульсированіе? Или, что̀ тоже, по какому типу совершается развитіе органической жизни на землѣ?

Отвѣтъ на это можетъ быть найденъ путемъ опредѣленія скрытаго центра, откуда происходитъ самое біеніе органической жизни. Положеніе этого центра можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ самыми общими и постоянными фактами, въ которыхъ выражается существованіе органическаго міра отъ перваго появленія его на землѣ до его теперешняго состоянія. Но чтобы смыслъ этихъ фактовъ, ихъ указующее значеніе было вполнѣ ясно, нужно сказать предварительно нѣсколько словъ о зависимости вообще всякаго явленія отъ его близости къ первоначальной причинѣ, служащей общимъ источникомъ ряда фактовъ, въ которомъ данное наблюдаемое явленіе есть одно звено.

IV.

Всякій разъ, когда какая-либо причина производитъ рядъ подобныхъ явленій, сила ея дѣйствія умаляется по мѣрѣ того, какъ они дальше и дальше отъ нея отходятъ; и, наоборотъ, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ они къ ней приближаются. А съ тѣмъ вмѣстѣ и каждое одиночное явленіе, которое несетъ въ себѣ мигъ этого дѣйствія и имъ существуетъ, бываетъ выражено тѣмъ ярче и полнѣе, оно тѣмъ больше заключаетъ въ себѣ бытія, въ чемъ бы послѣднее ни проявлялось, чѣмъ ближе, въ ряду однорядныхъ явленій, стоитъ къ ихъ общему источнику. Такъ движеніе камня, подброшеннаго вверхъ, бываетъ наиболѣе быстро въ моментъ отдѣленія его отъ подбросившей руки; и, наоборотъ, когда онъ падаетъ, его движеніе наиболѣе быстро въ моментъ прикосновенія къ землѣ, которая его притянула. Рука и земля, въ обоихъ случаяхъ, являются общимъ источникомъ безчисленнаго ряда неуловимо малыхъ перемѣщеній камня, сливающихся въ линію его полета; и изъ этихъ перемѣщеній ни одно по своимъ качествамъ (быстротѣ) не похоже на другое, но каждое ближайшее къ своей причинѣ энергичнѣе, нежели болѣе удаленное отъ нея. Равнымъ образомъ, если мы возьмемъ сферу столь несхожую съ механическими явленіями и такъ, повидимому, отъ нихъ удаленную, какъ жизнь психическая и историческая, мы увидимъ нѣчто аналогичное и въ ней. Осуществленіе замысла какого-нибудь—еще тускло, недѣятельно, пока онъ обдумывается только, когда манящій человѣка предметъ далекъ; оно напряженнѣе въ моменты, когда уже осуществляется; и, наконецъ, обращается въ страсть, въ порывъ, когда предметъ обладанія уже находится передъ глазами, или вещь исполняемая — почти готова. Великіе завоеватели именно тогда уже, когда почти ничто не мѣшало ни величію ихъ, ни всякому кажущемуся счастью, противъ этого „почти“ устремлялись всегда такъ стремительно, что иногда гибли отъ необдуманности и быстроты движенія (Персія—противъ Греціи, Наполеонъ—противъ Россіи; съ инымъ исходомъ—Тамерланъ противъ ненужной и даже неизвѣстной ему восточной Европы). Въ этихъ и подобныхъ фактахъ, число которыхъ каждый безъ труда можетъ увеличить, присматриваясь къ окружающему, мы наблюдаемъ, что всякій разъ, когда одна и та же причина порождаетъ *рядъ* звеньевъ, тѣ изъ нихъ, которыя къ ней ближе, исполнены бываютъ сильнѣйшаго напряженія.

V.

Если, руководимые этою мыслью, мы обратимся къ органическому міру и захотимъ спросить себя: въ чемъ именно здѣсь должна выразиться энергія явленій, которая для движенія выражается въ быстротѣ его, для свѣта—въ яркости, для желанія—въ его возрастающей нетерпѣливости и пр., то, вникая въ главное, къ чему направляется органическая жизнь, что въ ней творится, мы должны будемъ отвѣтить слѣдующее: при равенствѣ прочихъ условій, *количество жизненной энергіи, заключенной въ каждомъ организмѣ, тѣмъ болѣе* (въ немъ сравнительно съ другими организмами), *чѣмъ развитѣе его органическое сложеніе*, т. е. чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе его функціи и чѣмъ отчетливѣе и исключительнѣе каждая изъ нихъ. Пусть причина, движущая органическую жизнь и заставляющая ее трансформироваться изъ одной формы въ другую, остается вѣчно неизвѣстною; все-таки несомнѣннымъ будетъ, что *напряженіе* этой силы тогда больше, когда она производитъ сложное, чѣмъ когда она создаетъ простое,—хотя бы уже потому, что сложное состоитъ изъ простаго, которое въ немъ удвоено, утроено и т. д.

Такимъ образомъ, 1) *сложность организаціи* и 2) *обиліе своеобразныхъ* (одна на другую не похожихъ) *функцій*, въ ней совершающихся, можетъ служить несомнѣннымъ критеріумомъ степени напряженія жизненной энергіи на всѣхъ ступеняхъ расти-

тельнаго и животнаго міра. Руководимые показаніями этого критеріума, мы уже безъ труда можемъ опредѣлить, въ какомъ направленіи энергія жизни увеличивается и, слѣдовательно, гдѣ находится скрытый центръ ея біенія.

Самый общій и постоянный фактъ, наблюдаемый въ развитіи органическаго міра отъ момента его появленія на землѣ и до настоящаго времени, заключается въ томъ, что сложность организаціи отдѣльныхъ особей, его составляющихъ собою, была все возрастающею во времени и никогда—убывающею. Вѣчное усложненіе въ строеніи, увеличеніе числа функцій и ускореніе каждой функціи порознь—это и есть элементы, которые мы соединяемъ въ одно цѣлое, обозначая ихъ общимъ именемъ *развитія*. Простая протоплазма, эта живая слизь, безъ какой-либо организаціи и съ однимъ общимъ свойствомъ всего живого—раздражимостью [1],

[1] Послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ найти: *что есть безусловно общаго во всѣхъ живыхъ существахъ и безусловно постояннаго въ нихъ, пока они живы*, ученые остановились, наконецъ, на мысли, что это есть *раздражимость*. Кембриджскій профессоръ Глиссонъ (въ XVII в.) первый указалъ на нее, какъ на общее свойство всѣхъ живыхъ тканей, и видѣлъ въ ней истинную причину жизни; послѣдующіе ученые все болѣе находили, что разнообразныя формы органической жизни *суть дѣйствительно* только модификація этого первичнаго свойства. Понятны, поэтому, попытки ихъ дать строгое опредѣленіе этого важнаго явленія; однако, они и до сихъ поръ не остановились ни на чемъ общемъ. Намъ думается, что правильнѣе всего явленіе раздражимости можно опредѣлить такъ: оно есть *свойство отвѣчать на дѣйствіе внѣшняго агента большимъ или меньшимъ, нежели сколько содержитъ въ себѣ это дѣйствіе, разсматриваемое* какъ причина. Такимъ образомъ, раздражимость есть первое нарушеніе основнаго закона механики, что *дѣйствіе равно противодѣйствію*, или обратно: *противодѣйствіе равно дѣйствію*,—и выводитъ весь рядъ существъ, обладающихъ ею, изъ-подъ законовъ механической природы и образуетъ изъ нихъ особый міръ живыхъ и органическихъ существъ. Внутренняя причина, лежащая въ воспринимающемъ дѣйствіе существѣ, которая удлиняетъ или задерживаетъ это противодѣйствіе, можетъ совершить это потому только, что она не есть причина механически дѣйствующая. Нѣкоторый излишекъ въ движеніи противъ законовъ механики создается при этомъ, или, напротивъ, производится нѣкоторый недостатокъ. Эта способность поглощать въ себя движеніе или производить изъ себя его есть глубочайшая черта органической природы. Въ этой органической природѣ есть нѣкоторая скрытая глубь, куда уходятъ и откуда возникаютъ явленія безъ того, чтобы мы видѣли ихъ послѣдствія или причины. Поэтому-то и правильно думаютъ, что тамъ, гдѣ начинается органическая природа, начинается господство совершенно особенныхъ законовъ и силъ, нежели какое мы знаемъ во внѣшнемъ, окружающемъ насъ мірѣ. Не удивительно, что эти законы и силы до сихъ поръ совершенно не разгаданы.

была первою основой органическаго міра. Эта безформенная и почти косная масса была носительницею жизни, которая здѣсь едва мерцала, едва была различима. Актомъ рожденія, безъ какого-либо перерыва въ темной глубинѣ вѣковъ, съ этою протоплазмой соединенъ органическій міръ, теперь покрывающій землю—этотъ трепетъ жизни, эта красота мірозданія, это чудное разнообразіе формъ, цвѣтовъ и звуковъ, наполняющихъ землю и оглушающихъ ее шумомъ вѣчной радости. Будемъ ли мы отрицать, что энергія жизни въ немъ теперь не больше, чѣмъ она была въ той первой протоплазмѣ, что она нисколько во времени не возрасла? Нужно закрыть глаза на землю, чтобы сказать это; нужно преднамѣренно отвернуться отъ природы, чтобы не слышать ея голоса и въ этой глухотѣ и слѣпотѣ сохранить *свою* мысль и избѣжать вывода, который уже теперь ясенъ.

932.796

И въ самомъ дѣлѣ, если энергія органической жизни является возрастающею во времени, и это выражается въ общемъ и постоянномъ фактѣ возрастанія сложности органическаго строенія, то это не можетъ зависѣть ни отъ чего другого, кромѣ какъ отъ того только, что она приближается къ своей причинѣ, а не удаляется отъ нея. То-есть, скрытый центръ, откуда пульсируетъ въ теченіе тысячелѣтій органическая жизнь, лежитъ не позади органическихъ явленій, и они не исходятъ изъ него, не отталкиваются имъ, но—впереди ихъ и они стремятся къ нему, восходятъ.

VI.

Всякій разъ, когда источникъ какого-нибудь дѣйствія лежитъ позади этого дѣйствія (въ пространствѣ или времени)—мы усвояемъ ему имя *причины*: таковъ толчокъ по отношенію къ движенію; напротивъ, когда источникъ дѣйствія лежитъ впереди или послѣ его—мы называемъ его *цѣлью*: такова улучшенная форма чего-либо по отношенію къ процессу улучшенія, черезъ который оно проходитъ. Процессы, которые исходятъ отъ своихъ причинъ, всегда суть процессы только количественные; и съ одной же количественной стороны могутъ быть познаваемы предметы, которые являются результатами ихъ (масса, объемъ, фигура, положеніе и т. п.) Напротивъ, процессы, которые восходятъ къ своимъ

цѣлямъ, суть также и качественные: качество есть новая сторона здѣсь, которая зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго соотвѣтствія цѣлесообразно устроенныхъ предметовъ или цѣлесообразно совершающихся явленій съ конечною цѣлью, къ которой они восходятъ, ради которой они устроены или совершаются.

Такимъ образомъ—не причина, скрытая въ глуби временъ, есть движущее начало всего органическаго процесса; но—цѣль, лежащая въ будущемъ и намъ еще неизвѣстная, которая устроляетъ этотъ міръ и переводитъ его отъ формы къ формѣ съ помощью причинъ, механическихъ въ отдѣльности, но въ цѣломъ планомѣрно расположенныхъ. Подобно тому какъ и воля человѣка, цѣлесообразно устроющая государство или возводящая зданіе, опирается на законы природы или души человѣческой и дѣйствуетъ съ помощью ихъ механически.

VII.

Жизненное напряженіе, о которомъ мы сказали ранѣе, что оно есть источникъ красоты въ органической природѣ, раскрывается, такимъ образомъ, передъ нами какъ сила скрытой цѣлесообразности, не дающей органическимъ формамъ остановиться, пока цѣль всего органическаго процесса еще не достигнута; и она-же мѣшаетъ этимъ формамъ слиться въ рядъ тожественныхъ, не отличимыхъ другъ отъ друга существъ, пока ни въ одной органической особи цѣль не достигнута,—и это есть истинная причина ея стремленія раждать. Если бы дѣти совершенно походили на своихъ родителей—самаго акта рожденія не было бы въ органической природѣ; возможное различіе того, что́ будетъ порождено, есть настоящая причина всякаго зарожденія, какое когда-либо было. Потому что безъ этого различія не было бы приближенія органическихъ формъ къ своему источнику, а оно, это приближеніе, и есть источникъ жизненной энергіи, которая сообщается особи въ моментъ ея зачатія и даетъ ей силу повторить его. Особь есть только мимолетное звено въ процессѣ вѣчнаго достиганія; и она живетъ и даетъ другимъ существамъ жизнь лишь настолько, насколько достигаетъ. Индивидуальныя различія, которыя мы находимъ во всѣхъ особяхъ даннаго вида, есть результатъ ихъ усилій переступить черезъ границы своего вида—далѣе; и, насколько онѣ уже безсильны сдѣлать это сами, потому что связаны родительскою формой, которую нѣсколько разрушили, и не въ силахъ разрушить болѣе—они стремятся достигнуть этого, по крайней мѣрѣ, въ потомствѣ. Въ этихъ усиліяхъ, въ этихъ вѣчныхъ всплескахъ жизненной волны къ своему неподвижному источнику, не всѣ достигаютъ своей цѣли: многія уклоняются въ сторону или подъ вліяніемъ внѣшнихъ физическихъ дѣятелей, или потому, что самое усиліе было судорожно и неправильно; большинство не переходитъ обыкновеннаго уровня поднятія и, обезсиленное—падаетъ назадъ; но нѣкоторыя поднимаются высоко—и появляется то, что́ принято называть „крупными самопроизвольными измѣненіями организмовъ“: первая ступень въ образованіи новаго вида. Явленіе смерти, какъ индивидуальной, такъ и видовой, равно какъ явленіе уродливости—эти всеобщія и исключительныя особенности органической природы—находятъ здѣсь свое объясненіе. Смерть есть угасаніе жизненной энергіи, происходящее отъ того, что она не доходитъ въ особь или видъ изъ вѣчнаго источника, къ которому они стремились нѣкогда приблизиться—и тогда жили, и соотношеніе съ которымъ теперь почему-либо въ нихъ прервано. Безсиліе стать къ этому источнику ближе есть причина смерти, какъ самое приближеніе—причина жизни. Въ общемъ же причиною того и другаго служитъ безсиліе или, наоборотъ, способность производить отъ себя различное. Всякій разъ, когда въ актѣ рожденія уже передана особью своему потомству способность къ дальнѣйшему достиженію цѣли, и она ничего болѣе не можетъ сдѣлать какъ только повторить себя—она выпадаетъ изъ органическаго процесса, какъ его ненужное звено, и умираетъ. Здѣсь лежитъ объясненіе и явленія старости, этого блѣднаго и коснаго существованія, гдѣ жизнь уже не поднимается болѣе, гдѣ остатокъ ея, слишкомъ недостаточный, чтобы передаться, медленно растрачивается на поддержаніе въ неподвижномъ состояніи прежней организаціи, и когда растрачивается на это вся — организмъ разрушается; отсюда же объясняется и то, что этого явленія старости, иногда продолжительнаго въ высшихъ организованныхъ существахъ, полныхъ жизненной энергіи, нѣтъ въ низшихъ, со слабою энергіей, которой едва хватаетъ на то, чтобы передаться потомству въ нѣсколько увеличенномъ видѣ: поэтому многія изъ нихъ умираютъ, какъ только родятъ. Такъ происходитъ индивидуальная смерть. Видъ же или родъ умираетъ потому и тогда, когда онъ

или породилъ уже высшую, чѣмъ самъ, органическую форму или когда онъ уклонился съ пути этого порожденія лучшаго. Въ первомъ случаѣ онъ связанъ съ нынѣ живущими видами и родами непрерывающимся рядомъ промежуточныхъ формъ; во второмъ случаѣ онъ является вымершимъ безъ потомства, какъ бы отдѣлившеюся отъ органическаго міра вѣтвью, которая угасла, ничего не произведя. И тамъ и здѣсь органическая форма вымерла потому, что утратила силу рожденія, сдѣлавшись способною только повторять себя, но не производить что-либо новое, ближайшее къ вѣчно достигаемому источнику всей органической жизни.

Отсюда соотносительность жизни и смерти въ органической природѣ, невозможность породить первую, не приявъ въ себя вторую. Всякое созданіе *иного* есть разрушеніе *себя*, и это въ каждой частицѣ организма, во всемъ въ немъ какъ особи и въ цѣломъ органическомъ мірѣ. Это отъ того, что невозможно достигнуть чего-либо, не ставъ тотчасъ же ненужнымъ болѣе настолько и въ томъ именно, насколько и въ чемъ достигнуто.

VII.

Теперь, установивъ эту общую точку зрѣнія на органическую природу и ея развитіе, обратимся къ болѣе частному разсмотрѣнію одного явленія въ ней—*красоты*. Мы увидимъ, что оно замѣчательнымъ образомъ объясняется изъ этого взгляда, а онъ, взамѣнъ, получаетъ въ этомъ явленіи фактическое подтвержденіе.

Мы сказали ранѣе, что красота есть особая форма, въ которую преобразуется органическая энергія, что она есть только проявленіе послѣдней, въ которомъ нѣтъ ни произвольности, ни чего-либо преднамѣреннаго или искусственнаго. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ ея повышенія совпадаютъ съ повышеніями органической энергіи, какъ мы объяснили ихъ выше.

Незначительная на низшихъ ступеняхъ органическаго развитія, красота возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ это развитіе подвигается во времени, и формы изъ болѣе простыхъ переходятъ въ болѣе сложныя, то-есть становятся носителями высшаго жизненнаго напряженія, большаго количества органической энергіи. Фактъ все болѣе и болѣе яркаго проступанія красоты есть столь же

общій и постоянный въ органическомъ мірѣ, какъ и фактъ усложненія этого послѣдняго въ каждой отдѣльной особи и въ цѣломъ строеніи своемъ (богатство органовъ въ организмѣ, богатство видовыхъ, родовыхъ и прочихъ формъ въ органическомъ мірѣ). При этомъ замѣчательно, что красота, возрастая, не только становится болѣе яркою черезъ какой нибудь одинъ способъ выраженія, но она и ищетъ новые способы выразиться, потому что одинъ становится уже недостаточенъ: къ красотѣ *очертанія* присоединяется красота *цвѣта*, въ самомъ цвѣтѣ появляется очертаніе, и онъ становится *узоромъ* (крылья бабочекъ, напр.), наконецъ, появляется звукъ, сперва внѣшній, производимый треніемъ одной части тѣла о другую (насѣкомыя), и потомъ внутренній—голосъ; имъ обладаютъ только животныя съ очень уже высокою сложностью организаціи. Эта многоформенность выраженій красоты, развивающаяся параллельно съ многоформенностью жизненныхъ функцій (дыханіе, кровообращеніе, пищареніе), служитъ, какъ и она, показателемъ повышеній органической энергіи.

Три общіе типа, къ которымъ искусно сводитъ г. Вл. Соловьевъ всѣ отдѣльныя проявленія безобразія въ органическомъ мірѣ [1], черезъ это сводятся къ одному. Всякій разъ, когда въ органическомъ процессѣ, цѣлесообразно развивающемся, мы встрѣчаемъ или *остановку*, или *возвращеніе* къ прежнему или *раннее и недостаточное осуществленіе* того, что лишь въ будущемъ можетъ быть осуществлено въ своихъ нормальныхъ предѣлахъ, мы чувствуемъ присутствіе въ немъ неправильнаго, болѣзненное уклоненіе его энергіи въ сторону,—и нѣкоторое темное и непріятное ощущеніе овладѣваетъ нами. Сами являясь носителями органической энергіи, и притомъ на высшей ступени ея осуществленія, мы непреодолимо и безошибочно чувствуемъ все не такъ направленное въ развитіи этой энергіи, повинуясь чему-то безотчетному, *отвращаемся* при созерцаніи его. Смотря на природу какъ на вѣчно завершающееся, мы радуемся, созерцая, какъ формы ея бѣгутъ вверхъ, мысленно поднимаемся за ними и любимъ ихъ тогда, наслаждаемся ими; если же онѣ безсильно опускаются внизъ, что-то враждебное противъ нихъ под-

[1] „Преобладаніе матерьяльной животности, возвращеніе къ безформенности, предварсніе высшей формы“ (напр., организація лягушки и обезьяны по отношенію къ организаціи человѣка).

нимается въ насъ, мы оставляемъ ихъ и ненавидимъ, не находя въ себѣ силъ даже къ состраданію. Сострадание отсутствуетъ здѣсь, быть можетъ, потому, что въ отвратительномъ мы всегда и вѣрно угадываемъ присутствіе чего-то смертнаго, относимся къ нему какъ къ временному въ высшей степени; напротивъ, все прекрасное исполнено залоговъ жизни, и мы не ошибаемся, когда называемъ его (по соотношенію съ достигаемымъ) вѣчнымъ.

IX.

Возрастая, какъ и сложность организаціи во времени, красота въ каждой отдѣльной особи бываетъ не постоянно выражена съ одною и тою же силой и яркостью. Двѣ главныя функціи находимъ мы во всякомъ организмѣ: питаніе, черезъ которое онъ поддерживаетъ себя, и размноженіе, черезъ которое продолжаетъ себя въ потомствѣ. Къ общему органическому процессу имѣетъ отношеніе только вторая функція; черезъ актъ рожденія, какъ мы замѣтили выше, проходитъ та скрытая нить, которая связуетъ особь съ цѣлымъ органическимъ міромъ, дѣлаетъ ее не изолированнымъ существомъ, но звеномъ въ длинномъ рядѣ все развивающихся формъ. Черезъ этотъ именно актъ особь, безсильно стремившаяся подняться надъ родительскою формой, передаетъ стремленіе и способность подняться выше ея—своему порожденію. Ясно, что въ этомъ именно актѣ происходитъ поднятіе органической энергіи, и съ нимъ же совпадаетъ высшее проявленіе красоты въ природѣ: въ примѣрахъ, приведенныхъ выше, повсюду отмѣчено, что красота формъ, цвѣтовъ и звуковъ возрастаетъ во времени спариванія, продолжается все время, пока оно длится, и тотчасъ блекнетъ, когда оно проходитъ. И Ч. Дарвинъ, и г. Вл. Соловьевъ объясняютъ это тѣмъ, что она появляется въ это время какъ средство прельщенія; но если мы могли бы еще подумать это объ однихъ выраженіяхъ красоты (напримѣръ, о пѣніи птицъ), то ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить этого относительно другихъ (окрашиваніе раковинъ и рыбъ, выростаніе различныхъ придатковъ, благоуханіе цвѣтовъ, и пр.). Поэтому, правильнѣе всего и тамъ, гдѣ мы могли-бы заподозрить преднамѣренность, видѣть не что-либо произвольно создаваемое въ видахъ достиженія временной цѣли, но

также невольное и своеобразное выраженіе поднявшагося жизненнаго напряженія. И человѣкъ поетъ, и это прекрасно, и влечетъ къ нему, но онъ поетъ не для того, *чтобы* привлечь къ себѣ, а потому, что ему *хочется* пѣть, что у него пробудилась къ этому способность и влеченіе. Такъ и прекрасныя формы, цвѣта и звуки въ животномъ мірѣ суть простыя выраженія органической энергіи, они суть слѣдствія ея поднятія, а не средство для чего-либо. Но что эти внѣшнія выраженія скрытой энергіи привлекаютъ особей другаго пола, это слишкомъ понятно: и въ нихъ въ то же время происходитъ поднятіе жизненной энергіи, и ясно, что она поднимается на встрѣчу энергіи другаго пола. Актъ спариванія есть моментъ, когда эти энергіи сливаются. Какъ было бы ошибочно думать, что человѣкъ и лицомъ, и вообще физически въ среднемъ возрастѣ становится прекраснѣе, чѣмъ въ старости, только потому, что желаетъ этого, что въ это время нужна ему красота; такъ ошибочно думать, что и прекрасное въ органической природѣ возрастаетъ потому только, что оно нужно. Ни произвольности, ни чего-либо искусственнаго—здѣсь нѣтъ.

X.

Мужской полъ вообще нужно считать главнымъ носителемъ органической энергіи: насколько послѣдняя не только сохраняется, но и наростаетъ во времени, она содержится именно въ немъ. Онъ есть дѣятельный и зиждущій элементъ въ органическомъ мірѣ; и въ человѣкѣ, въ которомъ, какъ въ высшемъ звенѣ органическаго міра, всѣ явленія этого міра крупнѣе и ярче выражены, это можно видѣть особенно ясно: мужчина сдѣлалъ исторію, женщина же всегда оставалась только его помощницею. Не только всякій исторически значительный замыселъ, новая идея или высокое и своеобразное чувство всегда зарождалось въ мужчинѣ, и женщина только прилипала къ этому, любила это и того, кто его создалъ; но если мы будемъ сравнивать и внѣшній, физическій обликъ мужчины и женщины, мы безъ труда замѣтимъ, какъ разнообразенъ онъ у перваго и какъ однообразенъ у другой. Женщины гораздо сходнѣе между собою, нежели мужчины; въ нихъ гораздо меньше индивидуальности; а

уже выше было сказано, что индивидуальныя черты суть именно то, въ чемъ сказывается стремленіе органической энергіи, живущей въ данномъ видѣ, переступить его границы (разрушить родительскую форму). Такимъ образомъ, не только въ духовной сферѣ наростающее всегда исходило изъ мужчины, но и въ физическихъ чертахъ это наростающее во времени также является только въ немъ или въ немъ главнымъ образомъ. Отсюда—автономность въ мужчинѣ, нѣкоторая отдѣленность его, которому—расти только впередъ, и связность женщины, ея слитность съ мужчиною, и любовь—какъ высшая красота ея въ исторіи и совершенное удовлетвореніе. Всѣ особенности мужскаго характера, его духовной личности и его роли въ исторіи, объясняются изъ одного: изъ того, что онъ есть носитель цѣлей своего рода; и всѣ особенности женщины, надъ которыми столько задумывались: ея незначущая роль въ исторіи и особенныя свѣтлыя и высокія черты ея души—все это вытекаетъ изъ того, что она не носитъ въ себѣ никакихъ, автономно ей принадлежащихъ цѣлей. Ея вѣчная и единственная цѣль—стать *усвоенною*, *послужить*, сдѣлаться *орудіемъ* обнаруженія того, о чемъ она имѣетъ только смутное представленіе и болѣе яснаго не ищетъ, — потому что единственное понятіе, ей необходимое во всей ясности, есть то, что она *служитъ*, *способствуетъ* чему-то.

По этой же причинѣ—если мы вновь возвратимся къ органическому міру—особи мужскаго пола являются въ немъ дѣятельными въ моментъ спариванія, а особи женскаго пола—пассивными: именно первые ищутъ продолжить свой родъ, въ нихъ именно органическая энергія, вѣчно стремящаяся разрушить родительскую форму въ дѣтской, ищетъ быть переданною потомству. И они же, какъ это замѣчаютъ всѣ натуралисты, въ моментъ спариванія пріобрѣтаютъ особенно прекрасныя формы; самки же остаются таковыми, какими были, или измѣняются очень мало. Красота очертаній, цвѣтовъ и звуковъ, о которой мы утверждаемъ, что она есть преображенная органическая энергія, наростаетъ у того именно пола, который есть носитель наростающаго въ этой энергіи.

Такимъ образомъ, въ мірѣ животномъ и растительномъ красота формъ, цвѣтовъ, звуковъ, наростая:

1) *по мѣрѣ возрастанія сложности организаціи*,

2) *къ моменту спариванія*,

3) *у пола, дѣятельно спаривающагося*,—одинаково является тамъ, гдѣ пульсъ біенія органической жизни повышается, гдѣ *tonus* пульсаціи особенно напряженъ. Мы объясняемъ—гдѣ эта пульсація восходитъ, гдѣ жизненная волна всплескивается къ нѣкоторому высшему своему завершенію, подобно океаническимъ водамъ, которыя немного, но постоянно поднимаются на встрѣчу тянущему ихъ къ себѣ небесному свѣтилу. Только это тяготѣніе органическаго міра построено не по законамъ пространства, но по законамъ времени.

XI.

Взглядъ на источникъ красоты въ органическомъ мірѣ, изложенный нами, совпадаетъ, такимъ образомъ, со всѣми фактами ея частныхъ проявленій; тогда какъ Дарвиново объясненіе во всѣхъ же частностяхъ съ этими фактами расходится. Прекрасное въ живой природѣ есть отблескъ радости объ этой носимой въ ней жизни, какъ отвратительное въ ней есть содраганіе отъ приближающейся смерти. Самую же жизнь мы разсматриваемъ какъ достиганіе органическими формами, этою одушевленною матеріей, вѣчнаго источника своего, который, оставаясь въ безконечной дали, нѣкогда затеплилъ искру этого особеннаго существованія на холодной землѣ, и чѣмъ далѣе проходило время—она все разгоралась на ней, вбирая въ себя безжизненные элементы, которые лежали вокругъ, и преображая ихъ въ формы все болѣе живыя и все болѣе прекрасныя по мѣрѣ того, какъ великій источникъ жизни становился ближе. Вотъ почему такъ напрасно ищутъ *начала* органической жизни: оно не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, оно наступитъ, и его нужно ожидать, а тамъ, гдѣ его ищутъ обыкновенно—лежитъ только его конецъ. Онъ теряется въ безжизненной неорганической природѣ, и гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, въ какое время она впервые и незамѣтно шевельнулась подъ дѣйствіемъ безгранично далекаго луча, на нее павшаго, шевельнулась какъ никогда раньше и по совершенно особеннымъ законамъ, связь съ которыми никогда уже не утратила потомъ—этого напрасно искать.

Проявленіе красоты въ органической природѣ отмѣчено одною особенностью, которая удобно можетъ послужить переходомъ къ

разсмотрѣнію прекраснаго въ самомъ человѣкѣ. Именно – замѣчено, что разъ она выражена въ чемъ-нибудь одномъ, она уже не выражается въ другомъ: такъ, птицы съ красивымъ опереніемъ не обладаютъ даромъ пѣнія, а имѣющія этотъ даръ— дурно окрашены,—явленіе, совершенно необъяснимое съ точки зрѣнія Дарвина и понятное при томъ взглядѣ на красоту, какой мы установили выше. И въ самомъ дѣлѣ, если всякая красота является потому, что она *нужна, полезна* для своего обладателя, то почему одному виду красоты не прибавляться къ другому, почему съ улучшеніемъ оперенія не возрастать и звонкости голоса? Если переживать своихъ соперниковъ должны особи, наилучше приспособленныя къ привлеченію самокъ, то ихъ особенно должны переживать тѣ, у которыхъ къ одному виду красоты начинаетъ присоединяться и другой. Такимъ образомъ, многоформенность прекраснаго въ одномъ индивидуумѣ должна бы встрѣчаться особенно часто. И, между тѣмъ, мы ея не находимъ. Напротивъ—мы переходимъ къ своему объясненію— разъ органическая энергія нашла себѣ выраженіе въ чемъ-либо, если она вылилась въ одну опредѣленную форму красоты, ея не останется уже для созданія еще и другой формы, потому-что на каждой ступени органическаго міра, во всякомъ отдѣльномъ видѣ животнаго или растенія, эта энергія находится въ постоянномъ, опредѣленномъ количествѣ; и она можетъ возрасти только на слѣдующей его ступени, въ дальнѣйшей фазѣ его развитія.

Мы повсюду говорили о красотѣ организмовъ, тогда какъ слѣдовало бы говорить только объ ихъ *красивости*. Есть что-то бездушное, какъ-бы не живое въ этой красотѣ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія человѣка, который такъ высоко стоитъ надъ органическимъ міромъ, такъ безмѣрно богатъ жизнью сравнительно съ нимъ. Фигура очертанія, оттѣнокъ краски, переливы голоса—все это такъ бѣдно, такъ грубо механично въ сравненіи съ тѣмъ неуловимымъ, что, созерцая свой собственный міръ, человѣкъ привыкъ соединять съ понятіемъ „красоты“. Только по снисхожденію онъ можетъ прилагать это высокое слово къ окружающей его природѣ, которая стоитъ ниже его; съ правомъ же можетъ говорить такъ о себѣ только одномъ. Во всемъ мірозданіи онъ одинъ истинно прекрасенъ – и въ образѣ лица своего, и особенно въ образахъ того, что создаетъ.

Есть одно основаніе, и оно именно заключается въ способахъ проявленія красоты, которое побуждаетъ насъ думать, что органическій процессъ уже получилъ свое завершеніе въ человѣкѣ; и что скрытая цѣлесообразность, двигавшая развитіе столько тысячелѣтій, направлялась къ созданію его внѣшнихъ чертъ и его духа. И въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно достигнутую цѣль называть причиною своихъ средствъ, хотя они существуютъ и ранѣе ея,—можно и человѣка считать истинною причиной всей органической природы; *онъ* создалъ ее, и создалъ именно безъусловностью нѣкоторой красоты, въ немъ скрытой, но пока лишь мерцающей сквозь темную оболочку его тѣла и всего грубаго, что съ нею связано.

Уже раньше нами замѣчено было, что въ изслѣдованіи трудной и загадочной области красоты доказательства въ обычномъ смыслѣ неприложимы, и все, чего мы можемъ достигнуть здѣсь— это хотя слабаго разсѣянія сумрака, который окутываетъ эту область, съ помощью разныхъ аналогій и сближеній. Строго воздерживаясь придавать имъ настоящую доказательную силу, мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ этихъ аналогій, подтверждающія мысль о завершенности органическаго міра, только-что высказанную нами.

Что въ красотѣ обнаруживается органическая энергія — это оправдывается всѣми фактами, удостовѣряющими насъ, что повышенія первой всегда совпадаютъ съ повышеніями второй. Съ неменьшею твердостью мы можемъ думать, что сама органическая энергія есть не иное что, какъ сила цѣлесообразности, движущей различіе органическихъ формъ: во времени эта энергія является возрастающею, а возрастаніе присуще только цѣлесообразнымъ процессамъ. Наконецъ—и соображенія, и наблюденіе фактовъ показываютъ, что формы проявленія красоты не неопредѣленно разнообразны, но что онѣ связаны между собою, и связь эта обнаруживается въ томъ, что всякій разъ, когда данное количество энергіи выражено уже въ одномъ видѣ красоты, оно не можетъ выразиться еще въ другомъ; то-есть, этотъ послѣдній (другой видъ красоты) не появляется, отсутствуетъ.

Теперь, держа въ мысли эти объясненія, обратимся къ разсмотрѣнію фактовъ, намъ представляемыхъ красотою человѣка

XII.

Какъ извѣстно, родъ человѣческій распадается на нѣсколько расъ, изъ которыхъ четыре цвѣтныхъ и одна бѣлая. Между первыми одна, монгольская, очень близко подходитъ къ бѣлой расѣ; она едва можетъ быть названа цвѣтною, тогда какъ остальныя три имѣютъ цвѣтъ рѣзко выраженный (американская, негрская и малайская).

Было предметомъ многихъ соображеній взаимное отношеніе этихъ расъ; различіе ихъ настолько рѣзко, что являлся даже вопросъ объ единствѣ человѣческаго рода, высказывалась мысль о независимомъ происхожденіи отдѣльныхъ расъ. Не видѣли промежуточнаго, соединительнаго звена между ними и не могли представить способа, какимъ одна раса могла бы произойти отъ другой.

Но этихъ промежуточныхъ звеньевъ напрасно искали и въ пластахъ земли для органическихъ формъ. Ихъ не нашли, и никакимъ оправданіемъ для этого не можетъ служить доводъ, что искали еще не достаточно, и въ будущемъ можетъ быть найдено то, что неотыскано до сихъ поръ. Потому что, если промежуточныя формы суть тѣ, которыя еще не доросли до видовой или уже переросли ее (для образованія новаго вида), и все это движеніе совершалось *безъ какихъ-либо рѣзкихъ переходовъ*, путемъ только *медленнаго накопленія индивидуальныхъ отличій*, то ясно, что *переходныхъ* между видами *формъ должно быть* неизмѣримо *болѣе, нежели чистыхъ* видовыхъ *формъ*. Послѣднія суть только моменты въ развитіи органическаго міра, первые же представляютъ собою обычную, постоянную форму его существованія. Время, въ которое *образуется* видъ, продолжительнѣе, нежели то время, въ которомъ онъ *пребываетъ* неподвижно; а слѣдовательно и нарождаемыхъ имъ особей въ переходномъ состояніи болѣе, чѣмъ нарождаемыхъ въ чистомъ, и первыя должны бы находиться повсюду и часто, а вторые лишь иногда и въ рѣдкихъ мѣстахъ. Ихъ численное отношеніе можно сравнить съ отношеніемъ суточныхъ колебаній магнитной стрѣлки къ ея вѣковымъ возмущеніямъ, которыя образуются черезъ медленное наростаніе неправильностей въ первыхъ; или еще – это отношеніе можно

сравнить съ положеніемъ часовой стрѣлки, которая только 24 раза въ сутки совпадаетъ съ крупными, большими дѣленіями круга (показываетъ *часы*) и все остальное время, цѣлые тысячи моментовъ, находится *внѣ* ихъ, въ *промежуточныхъ*, *соединяющихъ* точкахъ. И также рѣдки и удивительны должны бы быть чистыя, *не* промежуточныя формы, находимыя въ землѣ, какъ вообще рѣдки и удивляютъ насъ случаи, когда, войдя въ комнату и видя на стѣнѣ циферблатъ часовъ—мы замѣчаемъ, что стрѣлки ихъ, минутная и часовая, точно указываютъ *цѣлый* исполнившійся, въ эту минуту отбиваемый молоточкомъ механизма, часъ.

Поэтому, если переходныхъ формъ нигдѣ не находится, то это можетъ происходить только отъ того, что ихъ вовсе никогда и не было. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этого предполагаемаго способа возникновенія органическихъ формъ путемъ сложенія незамѣтныхъ индивидуальныхъ измѣненій, которыя полезны особи въ ея борьбѣ за существованіе съ другими себѣ подобными (теорія Дарвина), есть еще другой способъ, и онъ наблюдался уже въ историческія времена. Подъ воздѣйствіемъ силъ, природа которыхъ еще не разгадана, иногда появляется у какой-нибудь особи извѣстнаго опредѣленнаго вида потомство съ новымъ признакомъ, настолько крупнымъ и рѣзко выраженнымъ, что, руководствуясь обычными пріемами классификаціи, мы должны принять его за новый видъ или за новую разновидность [1]. И, однажды возникнувъ, этотъ признакъ передается дальнѣйшему потомству, удерживается въ немъ какъ постоянное видовое отличіе, а не какъ индивидуальное, которое всегда то появляется, то исчезаетъ. Такимъ образомъ, виды не *происходятъ* медленно: это—предпо-

[1] Въ книгѣ Н. Я. Данилевскаго: „Дарвинизмъ", критическое изслѣдованіе. Спб. 1885 г., т. I, стр. 374—449 собраны тщательно всѣ факты образованія новыхъ растительныхъ и животныхъ породъ этимъ путемъ. Самый рѣзкій, но вовсе не единственный примѣръ этого образованія представляетъ собою *однолистная* земляника, Fragaria monophylla, которая родилась *непосредственно отъ* обыкновенной *трехлистной* и продолжала затѣмъ воспроизводиться *изъ семянъ* первой, то-есть, измѣненіе коснулось основной, воспроизводящей функціи организма. Дюшенъ, который первый наблюдалъ это любопытное явленіе въ (1761 г.), въ живыхъ словахъ описываетъ свое изумленіе. „Какъ смотрѣть на него? спросилъ я себя при видѣ новой формы такъ хорошо извѣстнаго растенія. Видѣ-ли это? но тогда вѣдь происходятъ новые виды! Разновидность-ли это только? Сколько же тогда *въ другихъ родахъ* разновидностей, которыя *принимаютъ за виды?*" (стр. 407)

ложеніе, которое не оправдано ни однимъ фактомъ; они *рождаются*, и это—уже фактъ, который нуждается только въ объясняющей теоріи.

Не иной какой-нибудь способъ должны мы предполагать и для происхожденія человѣческихъ расъ,—хотя бы уже по тому одному, что онъ всегда останется только предположеніемъ, этотъ же имѣетъ подъ собою факты. Мы можемъ съ большою вѣроятностью думать, что отъ одной первоначальной расы произошли всѣ остальныя; или точнѣе, что предки каждой высшей расы были порождены когда-нибудь въ средѣ низшей расы. И дѣйствительно, если за отличительную черту расъ принимать, какъ это установлено, цвѣтъ кожи, то мы увидимъ, что отношенія этого цвѣта у отдѣльныхъ расъ могутъ быть разсматриваемы, какъ отношенія степеней: такъ, напр., красный и желтый цвѣтъ расъ американской и монгольской есть лишь ступени перехода темнаго цвѣта въ бѣлый.

Которую изъ всѣхъ расъ, въ такомъ случаѣ, нужно принимать за первоначальную? Многія соображенія заставляютъ думать, что таковою была *темная* раса, населяющая и теперь внутреннюю часть материка Австраліи. Ее считаютъ за переходную ступень отъ Негровъ къ Малайцамъ (отсюда—ихъ названіе „Негритосы“, впрочемъ не единственное), но правильнѣе считать ихъ за исходную точку образованія и первыхъ, и вторыхъ. Грязный цвѣтъ кожи ихъ представляетъ что-то колеблющееся между чернымъ цвѣтомъ Негровъ и коричневымъ Малайцевъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ расъ они стоятъ на самой низшей ступени развитія, не знаютъ не только религіи и государства, хотя бы на первоначальной ступени общины, поселка, но не знаютъ даже и постояннаго жилища, равно какъ мало нужаются въ огнѣ для приготовленія себѣ пищи. Несмотря на всѣ усилія миссіонеровъ, они не оказываютъ никакой способности къ принятію христіанства, равно какъ и къ усвоенію вообще какихъ-либо начатковъ цивилизаціи. Любопытно въ высшей степени, что мѣсто географическаго распространенія ихъ, Австралія, есть одинаково и мѣсто нахожденія самыхъ арханическихъ формъ растеній и животныхъ. Путешествующій по лѣсамъ и лугамъ Австраліи видитъ вокругъ себя какъ-бы воскресшій міръ нѣкогда живыхъ существъ, который онъ зналъ лишь

по палеонтологическимъ коллекціямъ и о которомъ ничто уже болѣе не напоминаетъ въ окружающей дѣйствительности другихъ материковъ. Нѣтъ полнаго сходства между ними, но есть близость, которой мы напрасно стали бы искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ на земномъ шарѣ. Къ сожалѣнію, о происхожденіи материковъ мы ничего достовѣрнаго не знаемъ, но мы можемъ догадываться, что есть скрытые законы и силы, которые вызвали ихъ изъподъ океана, и что это совершилось не безъ строгаго, опредѣленнаго порядка въ возникновеніи ихъ. На это указываетъ строгая, во всемъ выдержанная аналогія во внѣшнихъ очертаніяхъ и внутреннемъ строеніи всѣхъ материковыхъ массъ южнаго полушарія и всѣхъ—сѣвернаго, при различіи до противоположности между собою первыхъ и вторыхъ [1]. Съ этимъ порядкомъ возникновенія материковъ вѣроятно связаны какъ-нибудь и формы организмовъ, ихъ населяющихъ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни темна для насъ причина факта, самый фактъ—архаичность флоры и фауны материка Австраліи—остается несомнѣннымъ. И этому соотвѣтствуетъ то, что и человѣческая раса, здѣсь обитающая, стоитъ на низшей ступени развитія сравнительно со всѣми другими человѣческими племенами. И если за

[1] Суша земнаго шара состоитъ изъ трехъ большихъ массъ: 1) Американскаго материка, 2) Австралійско-Азійскаго материка и 3) Африканскаго материка. Въ первомъ вся масса земли сосредоточена или какъ-бы сформирована въ два члена, сѣверный и южный (Сѣверная Америка и Южная), которые развиты приблизительно одинаково, то-есть, почти одинаковой величины; ихъ расположеніе, какъ-бы координирующая ихъ ось, тянется съ С. З. С. на Ю. В. Ю; соединены они между собою лишь очень узкою лентой земли (Панамскій перешеекъ). Южный членъ имѣетъ видъ нѣсколько вытянутаго по меридіану треугольника, съ выпуклою восточною окраиною и вдавленною западною стороною; на его сѣверной сторонѣ (восточнѣе соединяющаго перешейка) мы наблюдаемъ зачаточное образованіе залива, почти единственнаго у его береговъ. Сѣверный членъ той-же материковой массы представляетъ собою какъ-бы фигуру распускающагося цвѣтка: онъ расширяется, поднимаясь къ сѣверу, и расчленяется (полуострова), масса горъ, при этомъ, сосредоточена къ с. з. отъ перешейка, [illegible] къ нему, нежели къ сѣверному краю, но въ общемъ имѣетъ центральное положеніе въ противоположность краевому, какое имѣютъ горы южнаго члена. Замѣчательно, что всѣ эти особенности повторяются въ Австралійско-Азійской массѣ суши (включая въ нее Европу—только ушедшую вдаль и очень развитую с. з. оконечность Азіи), но только въ ней чрезвычайно не развитъ южный членъ (Австралія) и чрезвычайно же развитъ сѣверный (Азія и Европа): то же здѣсь направленіе съ Ю. В. Ю. на С. З. С., та же лента полуострововъ (Индо-Китай и Малакка) и острововъ (Зондскіе), представляющихъ разорванный мостъ, нѣкогда соединявшій оба члена; та же фи-

общую форму, черезъ которую проходитъ жизнь человѣчества, принять совершенствованіе, приближеніе къ лучшему съ теченіемъ времени, то и австралійскую расу, какъ ея флору и фауну, мы должны принять за наиболѣе древнюю изъ всѣхъ.

XIII.

Дальнѣйшія аналогіи всѣ подтверждаютъ эту гипотезу; но чтобы сдѣлать понятными ихъ, мы должны остановиться нѣсколько на одномъ глубокомъ и очень общемъ законѣ природы, происхожденіе и способъ дѣйствія котораго до сихъ поръ не разгаданы, но который былъ сознанъ человѣкомъ уже въ древности: мы говоримъ о *законѣ полярности*. Въ Пиѳагорейской школѣ впервые высказано было мнѣніе о томъ, что всѣ части Космоса разлагаются на противоположности, и это же соединеніе противоположностей и распаденіе всякаго единства на противоположности составляло сущность ученія Гераклита, мыслями котораго была такъ заинтересована новѣйшая философія, въ лицѣ особенно Гегеля и нѣкоторыхъ его учениковъ. Діалектическій

гура треугольника, выпуклаго къ востоку, вдавленнаго съ запада—у южнаго члена (Австралія съ Тасманіею) и даже тотъ же, но чрезвычайно развитый, заливъ на сѣверномъ берегу (Карпентарія). Въ сѣверномъ членѣ—та же фигура раскрывающейся чашечки цвѣтка, съ безконечно раздавшимся сѣвернымъ краемъ и съуживающейся въ воронку южной частью, съ расположеніемъ главныхъ горныхъ массъ къ С. З. отъ разрушеннаго перешейка (Гималаи и Тибетъ), ближе къ южному краю, чѣмъ къ сѣверному. Переходя къ третьей массѣ, Африкѣ—мы видимъ, что въ ней выраженъ собственно южный членъ какой-то материковой массы, но ему недостаетъ сѣвернаго; и, судя по тому, что въ Америкѣ оба члена почти одинаковы, въ Австралійско-Азійской массѣ развитъ сѣверный членъ и не развитъ южный, мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что, по нѣкоторому закону космическаго равновѣсія, Африка есть чрезвычайно развитый южный членъ, около котораго сѣверный членъ малый, неразвитый—исчезъ. Этотъ исчезнувшій, недостающій материкъ есть древняя *Атлантида*, лежавшая къ западу отъ Гибралтарскаго пролива, память о которой хранилась еще во времена Платона и слѣдъ которой сохраняется и до сихъ поръ въ группахъ Канарскихъ и Азорскихъ острововъ. По крайней мѣрѣ, одинъ взглядъ на Африку убѣждаетъ насъ въ полной аналогіи ея фигуры съ фигурой Австраліи и Ю. Америки: выпуклость на востокѣ (Абиссинія съ м. Гвардафуй) и выемка на западѣ (Гвинейскій заливъ), выемка между заливами Габешъ и Сидра на сѣверѣ, красивое расположеніе горъ. Едва-ли одной случайности, безъ дѣйствія какого-либо скрытаго закона, можно приписать эту выдержанную симметричность, аналогію, параллелизмъ въ формахъ и ра положеніи материковъ.

методъ этого германскаго мыслителя есть также ничто иное, какъ теорія развитія логическаго понятія, и съ нимъ всего міроваго процесса, посредствомъ чередующихся между собою утвержденій и отрицаній, соединеній и разложеній. Мы только напоминаемъ эти ученія, и дѣлаемъ это для того, чтобы дальнѣйшія указанія наши не показались чѣмъ-либо новымъ и произвольнымъ. Довѣряясь только простому и строгому наблюденію и оставляя въ сторонѣ все сомнительное, мы не можемъ не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторая часть* природы какъ-будто дѣйствительно подчинена этому великому закону. Такъ, если мы будемъ разсматривать строеніе организмовъ, мы увидимъ, что симметрія ихъ зависитъ отъ того, что многіе важнѣйшіе органы ихъ двойственны и противоположны (напр. два легкихъ, двѣ почки, два полушарія головнаго мозга, далѣе – конечности и органы высшихъ чувствъ: зрѣнія, слуха и обонянія—двойныя); и если въ другихъ органахъ двойственность и противоположность не бросается такъ рѣзко въ глаза, то лишь потому, что она закрыта, замаскирована, или своеобразно выражена Но мы ограничиваемся указаніемъ только грубаго и общеизвѣстнаго, и не будемъ отвлекаться разсмотрѣніемъ болѣе тонкихъ чертъ органическаго сложенія. Въ исторической жизни народовъ, которая служитъ какъ-бы другимъ полюсомъ по отношенію къ организаціи животнаго тѣла, такъ неизмѣримо отходя отъ нея и все-таки, въ концѣ-концовъ, имѣя ее своею исходною точкой, мы также можемъ наблюдать это развитіе противоположностей: съ противоположными характерами являются въ ней великія расы (напр. монгольская и кавказская), и въ каждой расѣ противоположными являются отдѣльные моменты ея духовнаго развитія (напр. античная цивилизація и христіанская, или въ послѣдней—средніе вѣка и новое время, такъ же: эпикуреизмъ и стоицизмъ, матеріализмъ и идеализмъ, методы умозрительные и опытные, и пр.).

Этихъ краткихъ указаній будетъ достаточно, чтобы объяснить нашу мысль: нѣкоторая часть явленій природы, развиваясь въ потокѣ времени, разлагается на части не просто различныя между собою, но противоположныя. Въ этомъ процессѣ собственно непонятнымъ является только первый моментъ: выдѣленіе первой особенности; потому что, разъ она выдѣлилась, выдѣленіе ей противоположнаго становится уже необходимымъ: оно одно остается въ томъ существѣ или явленіи, которое послужило исходнымъ моментомъ начинающихъ развиваться противоположностей и въ

которомъ онѣ всѣ содержались уже отъ начала, но только въ нераздѣленномъ, связанномъ состояніи, смѣшиваясь между собою и черезъ это взаимно ограничиваясь. Подобно тому, какъ если бы въ какомъ-нибудь объемѣ пространства, занимаемомъ разрѣженною матеріею, эта послѣдняя собралась въ одномъ мѣстѣ и сжалась до абсолютной плотности, то другія части взятаго объема пространства стали бы абсолютно пустыми, и даже въ самомъ процессѣ этого собиранія матеріи каждый моментъ уплотненія сопровождался бы, какъ своимъ необходимымъ слѣдствіемъ, моментомъ разрѣженія въ другомъ мѣстѣ; уплотнѣніе же и разрѣженіе суть явленія противоположныя. Можно предполагать, что всѣ подобныя процессы начинаются въ природѣ отъ того, что въ ней все, каждая часть, стремится къ самоутвержденію, къ полнотѣ и твердости бытія своего, и потому силятся освободиться отъ связывающей близости другаго, очиститься отъ всего посторонняго и, слѣдовательно, уединиться; а черезъ это уединяется въ себѣ и другое.

XIV.

Если мы допустимъ возможность дѣйствія этого закона въ развитіи человѣческихъ расъ, то появленіе каждой изъ нихъ съ отличительными особенностями своими станетъ для насъ понятно. Мы обращаемся опять къ исходной расѣ — австралійской. Грязный цвѣтъ ея кожи, не совершенно черной и не совершенно бѣлой, разъ должно было совершиться въ ней развитіе—долженъ былъ, по закону полярности, разложиться на совершенно черный и на совершенно бѣлый; то-есть, образованіе негритянской и кавказской расъ содержалось въ возможности уже въ австралійской; подобно тому какъ плотное и пустое содержится въ возможности во всякой степени сгущенія или раздѣленія. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ расъ бо̀льшая одаренность въ духовномъ отношеніи должна была стать удѣломъ бѣлой, черная же не могла обладать высокими способностями; и это потому, что если одухотворенность есть то, что поднимаетъ человѣчество надъ всѣмъ остальнымъ органическимъ міромъ, то она должна появиться тамъ, гдѣ грубыя черты органическаго міра становятся наиболѣе блѣдными, гдѣ онѣ стираются и исчезаютъ. Эта грубая, внѣшняя черта органическаго міра есть именно его окра-

шенность, съ помощью которой такъ механично, такъ несовершенно выражается его красивость. И если въ человѣчествѣ эта красивость должна была перейти когда-нибудь въ настоящую красоту, если она должна была одухотвориться, то для этого прежде всего ей необходимо было удалиться отъ грубо механическихъ знаковъ въ выраженіи себя: исчезновеніе какого-либо опредѣленнаго цвѣта кожи должно было предшествовать появленію одухотворенности въ человѣчествѣ. Но высшая ступень развитія всегда достигается съ бо̀льшимъ трудомъ, нежели низшая, и вотъ почему негритянская или черная раса выдѣлилась изъ австралійской безъ какихъ-либо промежуточныхъ ступеней, соединительныхъ звеньевъ, тогда какъ образованію кавказской расы предшествовало образованіе малайской, американской и монгольской: черезъ нихъ только, какъ предварительныя ступени, медленно, путемъ нѣсколькихъ внутреннихъ усилій австралійская раса поднялась до бѣлой. Но въ высшей степени замѣчательно, что уже первая ступень на пути къ образованію бѣлой расы какъ-бы предваряетъ въ себѣ ея высшія способности, и даже съ такою отличительною особенностью, которая ярко указываетъ ея переходный характеръ, опредѣляетъ ее именно, какъ ступень къ какому-то поднятію. И въ самомъ дѣлѣ, негритянская раса хотя гораздо способнѣе австралійской, но имѣетъ въ этой способности своей, въ этой относительной даровитости нѣчто замкнутое, неподвижное: видно, что какой-то процессъ развитія, ее вызвавшій, въ ней закончился, заключился, замкнулся. Черный цвѣтъ этой расы есть и дѣйствительно уже полюсъ, который не можетъ быть переступленъ далѣе, и слѣдовательно отъ негритянской расы никогда не произойдутъ еще какіе-либо новые народы, сколько-нибудь отъ нея отличные [1]; она можетъ размножаться внутри себя, и этимъ увеличиваться, расширяться, но не можетъ ни во что перейти, измѣниться—ей чуждо развитіе, какъ предѣлу. Поэтому—если негры и способны, то такъ, какъ они и всегда были способны; отсутствіе *развитія и какого-либо внутренняго стремленія къ нему* есть отличительная черта ихъ, и этимъ объ-

[1] Едва-ли нужно оговаривать, что мулаты, происшедшіе отъ смѣшенія неграѣ съ бѣлыми въ Америкѣ, вовсе не составляютъ какой-нибудь ступени въ развитіи первыхъ. Это—смѣшеніе, внѣшнее соединеніе двухъ самостоятельныхъ элементовъ, но не внутреннее развитіе одного изъ нихъ въ какую-либо высшую форму: послѣдняя должна быть порождена путемъ скрытаго органическаго усилія въ предѣлахъ одной расы.

ясняется, почему, зная уже ремесла и заведя торговлю, живя обширными племенами, ведущими между собою войны, они однако нигдѣ не замкнулись въ правильное, организованное государство и нигдѣ не начали исторіи. Они могутъ становиться лучше, когда ихъ дѣлаютъ таковыми другіе народы; они принимаютъ воздѣйствія, налагаемыя извнѣ; но внутренно остаются при этомъ пассивными. Такъ въ Западной Африкѣ и въ центральной Америкѣ они приняли государственную жизнь, въ которую ихъ устроили европейцы, но, принявъ ее—остаются въ ней неподвижно, не улучшаютъ ея, вообще не измѣняютъ и даже не ухудшаютъ, что всетаки, хотя отрицательно, свидѣтельствовало бы о внутренней жизни этой расы, о способности ея къ самоизмѣненію и, слѣдовательно, къ исторіи. Напротивъ, малайская раса, въ коричневомъ цвѣтѣ которой впервые проступаетъ стремленіе къ бѣлому, хотя также не образовала у себя государствъ, но выказываетъ гораздо болѣе внутренней жизненности, дѣятельнаго отношенія къ внѣшнимъ развивающимъ вліяніямъ. Самое отсутствіе государственной жизни у малайскаго племени легко объясняется тѣмъ, что, будучи разсѣяно на островахъ Великаго и Индѣйскаго океановъ, оно имѣло менѣе внѣшнихъ причинъ къ началію этой жизни; потому что племенныя столкновенія изъ-за обладанія землею и происходящія отсюда войны есть самая частая причина возникновенія государствъ, какъ нѣкоторой организаціи племени, при которой оно становится сильнѣе и можетъ одержать побѣду въ борьбѣ съ сосѣднимъ народомъ. Но и помимо отсутствія этихъ внѣшнихъ причинъ, если бы даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ у малайцевъ не появилось государственной жизни—это было бы слишкомъ понятно въ виду близости ихъ къ австралійской расѣ, на пути развитія которой въ бѣлую они составляютъ только первую ступень. Но что они являются только ступенью, что въ нихъ процессъ какого-то развитія не замыкается, это видно изъ того, какъ много въ ихъ психическомъ складѣ внутренняго напряженія, какъ только ожидаютъ они внѣшняго воздѣйствія, чтобы нарушить свое неподвижное состояніе и выступить на путь самоизмѣненія. При одинаковости исходнаго первоначальнаго состоянія, это и является въ нихъ отличительною чертою при сравненіи съ неграми. Они гораздо болѣе, нежели эти послѣдніе, воспріимчивы къ христіанству, и замѣчательно, что усваиваютъ не внѣшнюю только сторону его, но и внутреннюю, духовную: становятся кроткими и

человѣколюбивыми подъ его воздѣйствіемъ и даже выдѣляютъ уже изъ собственной своей среды пасторовъ и миссіонеровъ. Также и къ обученію они выказываютъ живую склонность и способности, равно какъ и въ усвоеніи другихъ элементовъ цивилизаціи являются не пассивными, но дѣятельными: такъ они не только дозволяютъ торговать у себя европейцамъ, не только отвѣчаютъ на ихъ спросъ или предложеніе, но, разъ понявъ, что такое торговля, они поняли и что даетъ она, повезли въ далекія страны свои произведенія и поѣхали за чужими сами. Второю ступенью въ развитіи австралійской расы нужно признать американскую: въ красномъ цвѣтѣ ея кожи мы видимъ исчезнувшими остатки темнаго, который находимъ еще въ коричневомъ цвѣтѣ малайцевъ; напротивъ, свѣтлый отливъ кожи кавказскихъ народовъ въ немъ проступаетъ яснѣе. Соотвѣтственно этому и духовное развитіе американской расы поднимается еще на высшую ступень сравнительно съ духовными способностями малайскаго племени: она уже образовала два государства, Мексику и Перу, которыя были разрушены въ XVI в. испанцами. Въ высшей степени замѣчательно, что филологическія изслѣдованія нарѣчій, на которыхъ говорятъ краснокожіе Сѣверной Америки, обнаруживаютъ всѣ признаки вырожденія, а не развитія; откуда можно заключить, что и самыя племена эти находятся въ періодѣ упадка, разложенія. Они суть единственные изъ американской расы, которые, будучи многочисленны и широко разселены, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣютъ государственной жизни и вообще сколько-нибудь высокой цивилизаціи; объ этой послѣдней мы можемъ думать, на основаніи изслѣдованій ихъ языка, что она *была* нѣкогда въ Сѣверной Америкѣ и потомъ погибла. Во всякомъ случаѣ и внѣшнія физическія черты, и духовныя способности, выразившіяся въ созданіи государственной жизни, хотя и въ высшей степени своеобразной и слабой, указываютъ на положеніе американской расы между малайскою и монгольскою.

XV.

Въ такомъ случаѣ, нужно думать, что не изъ Азіи Америка была заселена, но изъ Америки — Азія, и древнѣйшія племена этой послѣдней обитаютъ въ сѣверо-восточномъ ея углу. Гдѣ-то около Берингова моря произошло то

внутреннее органическое напряженіе въ нѣдрахъ американской расы, которымъ были порождены предки нынѣшней монгольской. Въ желтомъ цвѣтѣ этой послѣдней почти исчезли всякіе слѣды первоначальнаго темнаго цвѣта; ихъ не видно уже совершенно, и съ тѣмъ вмѣстѣ желтый цвѣтъ есть промежуточный между краснымъ и бѣлымъ. Если отъ физическихъ чертъ мы обратимся къ духовнымъ, мы и здѣсь увидимъ, что Монголы по времени своего происхожденія должны предшествовать кавказской расѣ. Въ лицѣ Китайцевъ и Японцевъ они имѣютъ уже исторію, хотя не столь разнообразную, богатую и глубокую, какъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе ея чрезвычайную продолжительность. Есть что-то неподвижное въ этой исторіи, ей недостаетъ богатой внутренней жизненности, нѣтъ энергіи и свободы въ ея явленіяхъ; она такъ же несовершенна, блѣдна и механична въ сравненіи съ исторіей народовъ кавказскаго племени, какъ блѣдна и несовершенна китайская живопись, если сравнить ее съ итальянскою или фламандскою. Эта же бѣдность и безжизненность видна и во всѣхъ сферахъ китайскаго творчества. Ихъ религія есть странная смѣсь мудрости, практичности, нравственныхъ правилъ и космогоническихъ представленій, въ которой мы напрасно искали бы какихъ нибудь порывовъ религіознаго энтузіазма, живыхъ тревогъ совѣсти или высшаго просвѣтлѣнія. Въ ней, какъ и въ наукѣ, и въ литературѣ Китайцевъ, мы можемъ многому удивляться, но ничему восторгаться. Какъ будто внутренній духовный огонь никогда не загорался въ этой расѣ, и нѣтъ ничего въ ней или въ ея созданіяхъ, что могло бы взволновать насъ, растрогать, неудержимо повлечь къ себѣ или очаровать собою. Мы смотримъ на этотъ странный народъ и его странныя созданія какъ на какой-то удивительный автоматъ, происхожденія котораго не знаемъ и который превосходитъ своимъ совершенствомъ всѣ другіе, намъ извѣстные, но, какъ и они, остается для насъ чѣмъ-то совершенно чуждымъ и постороннимъ; какая-то непереступаемая грань отдѣляетъ нашъ внутренній міръ отъ тѣхъ скрытыхъ пружинъ, которыя его движутъ и направляютъ и которыя такъ не похожи на то, что движетъ насъ. Нашъ слухъ можетъ заинтересоваться китайскою музыкой, наше зрѣніе—ихъ живописью и произведеніями ихъ ремеслъ, наконецъ, даже умъ — ихъ учрежденіями и понятіями; но дальше этого внѣшняго любопытства мы не можемъ идти, у насъ нѣтъ способности перейти границу, отдѣляющую ихъ душу отъ нашей. Ни одного звука нѣтъ у этого народа; ни одной линіи онъ не создалъ, ни одного слова не высказалъ, которые проникли бы въ самую глубину нашей души, тронули бы сокровенныя ея стороны и заставили ихъ звучать отвѣтнымъ звукомъ себѣ. И, подобно тому, какъ самый искусный механизмъ бѣденъ сравнительно съ самымъ простымъ живымъ существомъ, такъ и китайская цивилизація, не смотря на то, что даже образованные классы европейскихъ народовъ могутъ многому научиться изъ нея, многое заимствовать съ пользой—въ сущности скудна въ сравненіи даже съ тѣмъ, чѣмъ духовно живутъ простые, необразованные классы наши. Простой напѣвъ нашего крестьянина заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поэзіи, нежели вся вычурная китайская литература; горячая, хотя бы и безсвязная молитва какого-нибудь юродиваго—болѣе носитъ въ себѣ чистой религіозности, нежели всѣ книги Конфуція. Эти примѣры всего лучше могутъ объяснить, чего именно недостаетъ монгольской расѣ: истинной и глубокой человѣчности, всей той красоты, игривости, свободы, которою запечатлѣна она.

XVI.

Мы находимъ въ ней, однако, одну черту, которая совершенно отсутствуетъ во всѣхъ ранѣе возникшихъ расахъ и, впервые появляясь здѣсь, становится уже постоянною затѣмъ въ кавказской расѣ. Именно, законъ полярности, который ранѣе дѣйствіемъ своимъ создавалъ только отдѣльныя расы, и, выдѣливъ каждую изъ нихъ, уже не дѣйствовалъ внутри ея и не разлагалъ ея жизнь или исторію на противуположности—впервые обнаруживаетъ свое дѣйствіе внутри монгольской расы. Негритянская, малайская и американская расы суть отдѣльные и совершенно цѣльные члены человѣчества, внутри которыхъ мы не находимъ другой разнородности, кромѣ той, которая обусловлена широтой географическаго разселенія ихъ (напримѣръ, отдѣльныя государства Мексико и Перу) или особымъ вліяніемъ той или иной мѣстности (совершенная дикость однихъ, нѣкоторая развитость другихъ). Отсюда — единство въ ихъ жизни, общность явленій, которыя мы наблюдаемъ въ ней, отсутствіе какого-либо разнообразія въ бытѣ или какой-нибудь индивидуальности въ характерахъ; отсюда же — отсутствіе у нихъ исторіи, какъ по-

явленія различій во времени. Окружающая природа, вѣчно та же въ каждой отдѣльной странѣ, наложила на нихъ печать свою, и, не имѣя внутреннихъ стимуловъ развитія, они тысячелѣтія несутъ на себѣ эту печать. Эта черта общности и постоянства впервые нарушается въ монгольской расѣ. Однородная по происхожденію, безъ какихъ-либо внѣшнихъ отличительныхъ особенностей на всемъ протяженіи своего географическаго распредѣленія, она является въ исторіи съ характеромъ не только не постояннымъ всегда и повсюду, но, напротивъ, съ діаметрально противуположнымъ. Если Китай и Японію [1], относящіеся между собою какъ не одинаковыя фазы одинаковаго развитія, какъ двѣ ступени одной и той же лѣстницы, мы выдѣлимъ изъ монгольской расы и соединимъ въ одну группу, то увидимъ, что въ предѣлахъ этой расы остается еще рядъ народностей, также сходныхъ между собою и потому сливающихся въ одну группу, но уже настолько различную по своимъ психическимъ особенностямъ и исторической роли отъ Китайцевъ и Японцевъ, что всякая попытка соединить ихъ въ одно, обобщить въ одинъ типъ—была бы напрасна. Историческая роль этой второй группы монгольскихъ народовъ соединена съ именами Чингисъ-Хана, Тимура и другихъ многихъ подобныхъ, но меньшихъ, о дѣлахъ которыхъ не нужно напоминать, хотя они и не оставили послѣ себя слѣдовъ. Ихъ назвали „народами разрушителями“, и исторія до сихъ поръ стоитъ передъ ихъ странною, загадочною дѣятельностью, безсильная произнести въ объясненіе ея хотя бы одно слово. Въ нѣкоторые моменты исторической жизни—не ихъ, потому что они не имѣютъ исторіи, но другихъ народовъ—эти племена поднимались безъ всякихъ видимыхъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, безъ такихъ причинъ, которыя по своей значительности хотя сколько-нибудь отвѣчали бы значительности своихъ слѣдствій; и, поднявшись, проходили разрушительнымъ ураганомъ по жизни другихъ народовъ и, точно выполнивъ какое-то назначеніе, снова упадали въ прежнее ничтожество и безвѣстность,—до другаго поднятія, всегда столь же безпричиннаго, столь же

[1] Все, сказанное ниже объ Японіи, какъ будто опровергается послѣдними успѣхами Японіи въ дѣлахъ мира и брани; но эти успѣхи еще такъ новы, такъ мало дѣятельны, а главное, такъ мало текутъ изъ оригинальныхъ, расовыхъ данныхъ японскаго племени, и обусловлены только успѣшностью техническихъ заимствованій, что, до времени по крайней мѣрѣ, ихъ можно обходить молчаніемъ.

гибельнаго для другихъ народовъ и столь же безплоднаго, ненужнаго для нихъ самихъ. Если бы въ поднятіяхъ этихъ была какая-нибудь послѣдовательность, если бы имъ присуще было какое-нибудь развитіе или хоть простая періодичность, они все-таки представляли бы собою нѣчто положительное, они слагались бы въ исторію, хотя и исторію разрушенія Правда, подобной послѣдовательности не вынесли бы другіе народы, и исторія всѣхъ ихъ возможна только потому, что одна половина монгольскаго племени не имѣетъ исторіи, ея жизнь не образуетъ собою развитія. Но—и въ этомъ лежитъ глубочайшая выдержанность психическаго склада разсматриваемыхъ племенъ—все, что̀ походило бы на какую-нибудь закономѣрность или правильность, отсутствуетъ въ ихъ исторической дѣятельности. Они вполнѣ отрицательны, потому что нѣтъ ничего утвердительнаго и постояннаго въ самой ихъ отрицательности. Даже и разрушенія они не созидаютъ; они только время отъ времени производятъ его, строгіе и послѣдовательные только въ одномъ—въ полной хаотичности явленій своей жизни.

Мы сказали, что внѣшнихъ причинъ для ихъ характерной и странной дѣятельности нѣтъ, и никакого объясненія ихъ исторической роли не существуетъ. А между тѣмъ, если мы обратимся къ закону полярности, мы увидимъ, что эта дѣятельность ихъ и роль принудительно обусловлены уже въ характерѣ ихъ соплѐменниковъ—другой, южной половины монгольской расы. Сравнивая дѣятельность этихъ племенъ съ дѣятельностью другихъ народовъ, напримѣръ, кавказской расы, мы найдемъ въ той и другой только различіе, но не найдемъ противуположности. Разрушеніе входитъ составною частью въ жизнь всѣхъ народовъ, и каждый изъ нихъ растетъ и развивается, только разрушая или тѣсня жизнь другихъ народовъ. Но только это явленіе въ ихъ исторіи не изолировано и не очищено, оно смѣшано съ другими разнообразными явленіями, частью просто различными, частью противуположными, и поэтому умѣряется ими или закрывается, дѣлается незамѣтнымъ. Только одинъ есть народъ въ исторіи, который не просто отличенъ отъ этихъ племенъ-разрушителей, но противоположенъ имъ по своему психическому складу и по всему смыслу своей исторіи: это—Китайцы а Японцы, первая великая вѣтвь монгольской расы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ первыя племена получили названіе „разрушителей“, такъ эти народы должны бы быть названы „созидателями,“ — созидателями по

преимуществу и въ большей степени и чистотѣ, нежели народы какой-либо другой расы, въ томъ числѣ и кавказской. Ихъ трудолюбіе такъ велико, что, какъ ни превзошли ихъ Европейцы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ одномъ они могутъ служить для нихъ недосягаемымъ образцомъ; и ихъ миролюбіе столь исключительно, что даже для защиты себя, своего вѣчнаго и неустаннаго труда, они не могли придумать ничего другаго, какъ только отгородиться „Великою стѣной“ отъ народовъ, которые могли помѣшать имъ. Если мы всмотримся глубже въ самый характеръ ихъ труда, мы найдемъ въ немъ поразительное соотвѣтствіе съ характеромъ разрушенія у сѣверныхъ Монголовъ: какъ тамъ подъ жаждой разрушить не скрывается ничего, никакой особенной ненависти или вражды къ разрушаемому, ни даже — простаго знанія его, такъ здѣсь подъ зиждущею дѣятельностью не лежитъ никакого сложнаго и глубокаго внутренняго міра, который бы неудержимо искалъ выразиться въ чемъ-либо внѣшнемъ. Отсюда—отсутствіе жизненности во всемъ ихъ творчествѣ, литература безъ поэзіи, живопись безъ красоты, самая наука—безъ мудрости и пытливости. Какъ будто и рисовать они начали потому, что, найдя красящія вещества, нашли и для нихъ способъ употребленія и съ тѣмъ вмѣстѣ—новую форму труда, къ которой сейчасъ же прильнули, хотя и не понимали, куда она ведетъ, что достигнуто ею у другихъ народовъ; и создали литературныя произведенія потому, что изъ всѣхъ способовъ употребленія человѣческаго слова—нашли и этотъ новый: не только разсказывать о дѣйствительномъ, но и о томъ, чего нѣтъ, но что могло бы быть дѣйствительнымъ; и, наконецъ, начали заниматься наукой потому, что ихъ органы чувствъ требовали бо̀льшаго упражненія, нежели какое могли имъ доставить простыя и непосредственныя отношенія къ окружающему. Вотъ почему, какъ уже давно замѣчено, сдѣлавъ многія изобрѣтенія, какія сдѣланы и европейцами, они не извлекли изъ нихъ всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе извлекли послѣдніе. Найдя ихъ случайно, какъ можно думать, они увидѣли въ нихъ только новую сферу труда, возможность безконечныхъ повтореній, но они не вдумывались въ нихъ и не искали еще чего-нибудь за ними скрытаго, въ нихъ прямо не выраженнаго. Здѣсь же лежитъ объясненіе и ихъ поразительной замкнутости, которая всегда такъ удивляла европейцевъ: лишенные глубокаго внутренняго содержанія, они никогда не знали этого тревожнаго состоянія, этихъ мукъ исканія, которыя

заставляли европейцевъ переходить изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, никогда и ничѣмъ не удовлетворяясь, съ вѣчнымъ отвращеніемъ къ прежнему и вѣчною жаждой новаго. Они были спокойны, всегда удовлетворены, потому что были всегда заняты. Въ своемъ трудѣ они ничего не искали, кромѣ труда, и потому—ничего не нашли, или даже и найдя что-нибудь случайно—не замѣчали найденнаго, равнодушно проходили мимо [1]. Что-нибудь похожее на далекій замыселъ никогда не руководило ихъ дѣйствіями, они не знали ни увлеченій, ни разочарованій, ни истинной радости, ни другого страданія кромѣ простой боли. Отсюда—тотъ характеръ практичности и разсудочности, который съ удивленіемъ замѣчали въ Китайцахъ всѣ проницательные наблюдатели. Погруженные въ трудъ, за которымъ не скрывалось никакого содержанія, они никогда не отвлекались отъ него; прошедшаго и будущаго какъ бы не существуетъ для нихъ, они не несутъ изъ перваго никакого *задатка* и ничего не осуществляютъ новаго во второмъ. Они всецѣло погружены въ дѣятельность, и потому именно такъ хорошо все видятъ въ ней, что имъ некуда больше смотрѣть. Всѣ ихъ достоинства, которымъ иногда столько завидуютъ, вытекаютъ изъ одного глубокаго, страннаго недостатка ихъ природы: изъ ея внѣшности и формальности, изъ отсутствія содержанія въ ихъ душѣ. Они не задумаютъ ничего безумнаго, не рванутся къ гибельному, не станутъ возводить Вавилонской башни, чтобы достать до неба; но это отъ того, что и самаго неба для нихъ нѣтъ.

Отсюда вытекаетъ то, что ихъ дѣятельность, будучи столь раціональна въ частностяхъ, въ цѣломъ носитъ на себѣ черты безсмысленнаго; все въ отдѣльности, что ни дѣлаютъ они, правильно и можетъ быть названо хорошимъ, но эти отдѣльныя дѣла ихъ не составляютъ изъ себя ничего общаго, о чемъ мы также могли бы сказать, что и оно правильно и хорошо. Никакая общая мысль не соединяетъ и не объединяетъ явленія ихъ жизни, никакому высшему плану не подчинены они. Ихъ жизнь и исторія распадается на множество подробностей и за каждою изъ нихъ лежитъ своя причина, свой частный поводъ, находящійся внѣ всякаго соотношенія со всякими другими поводами къ каждой

[1] Извѣстно, что очень многія европейскія открытія (какъ пороха) были сдѣланы ранѣе Китайцами, но не повели у нихъ къ тѣмъ огромнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ повели Европу,—застывъ, какъ и все у нихъ, въ первой изобрѣтенной фазѣ.

другой подробности. И это-то именно и дѣлаетъ китайскую цивилизацію, при всемъ любопытствѣ, которое возбуждаетъ она своею внѣшностью, въ сущности безынтересною. Она въ высшей степени своеобразна, но это своеобразіе заключается въ томъ, что, будучи столь громадна, она лишена всякой связующей идеи. И если, на минуту забывъ о ней, мы снова перенесемся къ ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, мы поймемъ ихъ жизнь и ихъ душевный складъ, какъ противоположность китайскаго, какъ его отрицаніе. Изъ всѣхъ народовъ, обитающихъ на землѣ, только вторая вѣтвь монгольскаго племени представляетъ изъ себя настоящихъ кочевниковъ, подобныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ ни въ Сѣверной и Южной Америкѣ, ни во внутренней Африкѣ, хотя онѣ болѣе благопріятны для этого образа жизни, нежели сѣверная и центральная Азія. Покой и однообразіе невыносимы для этихъ народовъ, какъ для Китайцевъ невыносимы разнообразіе и безпокойство. Какъ эти послѣдніе въ своей жизни и въ своей дѣятельности подчинены инстинкту созиданія, такъ тѣ подчинены инстинкту разрушенія столь же темному, столь же лишенному какой-либо руководящей мысли. Только въ дѣйствіи закона полярности, такъ могущественно выразившагося въ противоположности психическаго склада этихъ двухъ великихъ племенъ, на которыя распалась обширная монгольская раса, можно найти объясненіе той неудержимости, съ которою одно изъ нихъ производило свои разрушенія. Иначе какимъ образомъ понять, что вопреки всѣмъ нуждамъ, отвращаясь отъ всего, чѣмъ дорожитъ человѣкъ обычно: отъ покоя, отъ мирной жизни, отъ удовлетворенія всѣхъ потребностей, они переходили черезъ знойныя пустыни и высокія горы, гибли на пути и въ битвахъ, и все это безъ другой цѣли, безъ другого удовлетворенія, кромѣ какъ видѣть позади себя пирамиды изъ человѣческихъ головъ, видѣть растерзанною жизнь людей, которыхъ они ранѣе не знали и не видѣли. Не потребность въ общепринятомъ значеніи служила для этого мотивомъ, и не какія-либо внѣшнія причины, какія мы привыкли отыскивать для человѣческихъ дѣйствій. Здѣсь дѣйствовали силы и законы иные и высшаго происхожденія, понять природу и происхожденіе которыхъ намъ вѣроятно никогда не суждено, но наблюдать за внѣшнимъ проявленіемъ которыхъ мы можемъ.

XVII.

То, къ чему послѣдовательно поднимались расы, что яснѣе и яснѣе мерцаетъ въ чертахъ ихъ физической и духовной природы, наконецъ получаетъ свое осуществленіе въ кавказской расѣ: въ ней является, наконецъ, человѣкъ во всей полнотѣ своихъ силъ и въ совершенной красотѣ. Замѣчательно, что хотя по численности своей она неизмѣримо уступаетъ численности остальныхъ расъ человѣческаго рода, однако всякій разъ, когда мы начинаемъ говорить о человѣчествѣ и пытаемся опредѣлить свойства человѣческой природы—мы говоримъ собственно о бѣлой расѣ и опредѣляемъ *ея* свойства. И это не потому только, что мы сами принадлежимъ къ ней: пріемъ опредѣленія какого-либо существа черезъ отвлеченіе общихъ свойствъ у *наибольшаго* количества его представителей—столь простъ и такъ уже вошелъ въ наши умственныя привычки, что мы несомнѣнно съумѣли бы примѣнить его и здѣсь. Но даже и попытки поступить такъ при изученіи природы человѣческой никогда не было дѣлаемо; знающіе и невѣжественные, осторожные и легкомысленные — даже ошибкой или случайно никогда не нарушили молчаливаго согласія: понимать человѣка такъ, какъ онъ выразился въ кавказской расѣ. Хотя и молчаливо, но допускается, что скорѣе есть погрѣшности, отступленія отъ нормы во всѣхъ другихъ необозримыхъ массахъ человѣчества, нежели что они есть и въ бѣлой расѣ, и что для выдѣленія ихъ нужно сравнить ее съ прочими и очистить отъ уклоненій путемъ мысленнаго отсѣченія всего лишняго, что̀ окажется при этомъ сравненіи, и путемъ восполненія всего недостающаго. Все особенное и частное, что отличаетъ кавказскую расу отъ другихъ, не только не исключается изъ общаго понятія „человѣкъ“. но, напротивъ, составляетъ самое существенное въ этомъ понятіи; тогда какъ общее у нея съ другими расами оставляется большею частью въ сторонѣ, какъ незначущее. Въ основѣ всѣхъ этихъ странностей метода, кажущихся неправильностей умозаключенія лежитъ одно глубокое, хотя и не высказанное убѣжденіе: что человѣкъ бѣлой расы есть норма и предѣлъ, который ни съ чѣмъ другимъ не можетъ быть сравниваемъ и черезъ это другое оцѣниваемъ, но, напротивъ, самъ служитъ мѣриломъ и оцѣнкой для другаго, какъ бы этого другого ни было много

И дѣйствительно, во всѣхъ другихъ расахъ человѣкъ есть достигаемое, и только въ кавказской—достигнутое уже. Мы находимъ въ немъ все, что и въ представителяхъ другихъ расъ, и еще нѣчто излишнее, но притомъ такое, что можемъ открыть при внимательномъ наслѣдованіи и въ другихъ низшихъ племенахъ, но только въ зачаточномъ, неразвитомъ состояніи. И, какъ опредѣленіе линіи или круга, содержащееся въ геометріи, мы никогда не станемъ измѣнять и приноровлять къ смутнымъ и сбивчивымъ описаніямъ несовершенныхъ линій и круговъ, наблюдаемыхъ въ дѣйствительности, такъ точно не станемъ мы и не хотимъ измѣнять понятіе о человѣкѣ, основанное на знаніи бѣлой расы, применительно къ тѣмъ понятіямъ о немъ, какія могли бы извлечь изъ наблюденія надъ остальными расами, обитающими землю.

Одухотворенность, высокое просвѣтленіе природы человѣка какимъ то внутреннимъ содержаніемъ—вотъ самое общее и точное опредѣленіе особенности, которая отличаетъ кавказскую расу отъ другихъ. Въ противоположность монгольской расѣ, въ которой существенное и основное есть *дѣятельность* и за нею не скрывается никакого сложнаго и глубокаго содержанія, въ кавказской расѣ основнымъ является именно содержаніе, внутренняя духовная жизнь; что же касается дѣятельности, то она служитъ здѣсь только невольнымъ обнаруженіемъ этого содержанія, то-есть является вторичнымъ уже, вызваннымъ и обусловленнымъ. Какъ ни разнообразна и ни обильна дѣятельность арійцевъ и семитовъ, этихъ двухъ главныхъ вѣтвей, на которыя распадается кавказская раса,—она нисколько не исчерпываетъ богатствъ внутренней жизни ихъ, и отсюда-то въ этой расѣ то вѣчное томленіе духа, о которомъ такъ прекрасно говоритъ уже древній Экклезіастъ и еще не перестаютъ говорить самые новые поэты: вѣчное стремленіе къ чему-то и всегдашнее неудовлетвореніе тѣмъ, что найдено. Въ искусствахъ, въ наукахъ и философіи, въ формахъ политической жизни,—всемъ томъ, что было создано этою расой въ ея долгомъ историческомъ существованіи, мы открываемъ эту общую черту: перевѣсъ духа надъ дѣятельностью, и отсюда—переходъ отъ одной дѣятельности къ другой. Здѣсь лежитъ объясненіе многоформенности ихъ искусствъ: что-то невыражающееся силятся высказать въ нихъ арійцы, и поэтому-то переходилъ онъ отъ линій архитектуры къ тѣни и краскамъ живописи, отъ звуковъ музыки къ музыкальной рѣчи въ лирикѣ

и эпосѣ, то беря все это изолированно, то соединяя вмѣстѣ, какъ это мы видимъ въ драмѣ и операхъ. Отсюда вытекаетъ то, что въ наукахъ и философіи онъ такъ безгранично далеко переступилъ за предѣлы непосредственно открытаго ему,—въ противоположность всѣмъ другимъ народамъ, которые ничего не искали за этими предѣлами. Онъ жадно осмотрѣлъ всю землю и пытливо перечиталъ все, что было написано его предками, теперь уже погибшими племенами. Не довольствуясь этимъ, онъ вскрылъ глубину земли и извлекъ изъ нѣдръ океана все, что тамъ могло скрываться отъ его глазъ; не удовольствовался вещами и явленіями, какъ они даны ему въ ощущеніи, и, разложивъ первыя — открылъ ихъ элементы, а наблюдая вторыя и размышляя о нихъ—открылъ силы и законы, о которыхъ ничего не говорили ему чувства. Наконецъ, все еще думая, что за извѣстнымъ ему скрывается что-то неизвѣстное, онъ придумалъ способъ посредствомъ удивительныхъ инструментовъ почти безгранично удлинить свое зрѣніе и безгранично же утончить его, приблизить къ себѣ все далекое и сдѣлать большимъ все малое. Здѣсь же, въ вѣчно тревожномъ и вѣчно чего-то ищущемъ духѣ кавказской расы, лежитъ объясненіе и его политическихъ судебъ, этой неустанной жажды что-то построить, создать, и создавъ—вѣчно разрушить его, чтобы начать строить снова, иначе и по другимъ планамъ.

XVIII.

Если отъ разсмотрѣнія природы человѣка, каковою она является въ высшемъ своемъ выраженіи, кавказской расѣ, мы возвратились бы опять къ органическому процессу, черезъ который, варіируя и совершенствуясь, все поднимались органическія формы,—мы увидѣли бы, что человѣкъ есть грань и предѣлъ, гдѣ заканчивается этотъ процессъ. Любопытно, что именно изслѣдованіе явленія красоты съ несомнѣнною силой убѣждаетъ насъ въ этомъ, и та форма, которую принимаетъ она въ человѣкѣ, проливаетъ истинный свѣтъ на природу самой органической энергіи, лежащей внутри организмовъ и управляющей ихъ трансформаціями.

Во всѣхъ *цвѣтныхъ* расахъ человѣческаго рода мы находимъ то же отсутствіе настоящей красоты и ту же простую красивость,

какую находимъ въ растеніяхъ и животныхъ. И здѣсь, и тамъ она выражается въ грубыхъ физическихъ очертаніяхъ и въ окрашенности, причемъ ни первыя, ни послѣднія не служатъ средствомъ только для выраженія чего-то иного и высшаго, но нравятся сами по себѣ,—откуда татуированіе тѣла у дикихъ, желаніе придать своей окрашенности еще и разнообразіе. Напротивъ, у бѣлой расы, которую справедливѣе было бы назвать безцвѣтною, эти грубые и внѣшніе способы выраженія краснваго какъ бы меркнутъ и исчезаютъ, и впервые проступаетъ красота въ своей истинной природѣ. Именно для того, чтобы возможно было проявиться ей, необходимо было предварительное исчезновеніе окрашенности, и вотъ почему общее духовное совершенствованіе въ человѣческихъ расахъ такъ замѣчательно совпадаетъ съ измѣненіемъ цвѣта ихъ, съ его постепеннымъ исчезновеніемъ.

Если мы захотимъ дать себѣ отчетъ, въ чемъ именно состоитъ это преобразованіе простой красивости въ красоту, то должны будемъ отвѣтить, что оно заключается въ проникновеніи духовнаго міра сквозь грубыя черты физической природы и въ такомъ преображеніи этой послѣдней, что она становится способною передавать, видоизмѣняясь, видоизмѣненія перваго. И въ самомъ дѣлѣ, лицо человѣка какой нибудь цвѣтной расы никогда не бываетъ истинно-прекрасно, потому-что оно никогда не бываетъ *выразительно*. Всѣ тонкія переливы чувствъ, тихая радость или безконечная грусть, одушевленіе какою-нибудь мыслью или спокойная созерцательность — все это, такъ легко выражающееся на безцвѣтномъ лицѣ человѣка кавказской расы, совершенно скрывается подъ неподвижными чертами коричневаго, чернаго или желтаго лица.

Въ способѣ дѣйствія на насъ краснваго и прекраснаго заключается та разница, что, тогда-какъ первое дѣйствуетъ исключительно на наши чувства, зрѣніе или слухъ, второе дѣйствуетъ черезъ нихъ на нашу *душу*. Отъ этого первымъ мы только любуемся,—то-есть, испытываемъ наслажденіе чисто внѣшнее; второе же созерцаемъ: это наслажденіе внутреннее. И только потому, что красивое и прекрасное соединены между собою незамѣтными переходами, такъ-что невозможно даже отмѣтить момента, гдѣ второе уже начинаетъ зарождаться въ первомъ, мы считаемъ ихъ различными фазами въ развитіи одного и того же явленія. Но низшая, неразвитая фаза каждаго явленія находитъ для себя всегда объясненіе въ высшей и развитой. Поэтому

въ природѣ красоты, каковою она является въ человѣкѣ, мы должны искать разгадки краснваго, которое находимъ въ органическомъ мірѣ.

Возбуждаемое внѣшними чертами какого-нибудь образа и входящее въ насъ черезъ внѣшнія же чувства, ощущеніе красоты есть самое глубокое и внутреннее изъ всего, что человѣкъ переживаетъ въ себѣ. Это можно видѣть изъ того, что всякое созерцаніе прекраснаго образа мы силимся продлить, хотя его внѣшнія черты уже давно и хорошо извѣстны намъ,—онъ какъ-бы заволакиваетъ отъ насъ все окружающее, постороннее, прерываетъ наше общеніе съ нимъ и погружаетъ въ какую-то *забывчивость*. Забывшись, мы перестаемъ, наконецъ, видѣть и его внѣшнія, грубыя черты; онѣ сливаются, смѣшиваются и тускнѣютъ передъ нами; созерцаніе все углубляется, ощущеніе красоты наростаетъ, и мы испытываемъ странное сліяніе своей души съ самою сущностью того предмета, о внѣшнихъ чертахъ котораго забыли. И въ самихъ себѣ мы не можетъ указать ничего частнаго, особеннаго, что служило бы воспріемникомъ чувства красоты, какъ объ усваиваемыхъ мысляхъ можемъ сказать, что ихъ воспринимаетъ умъ, о горестномъ или радующемъ—что его воспринимаетъ чувство, или о страсти—что оно входитъ элементомъ въ нашу волю. Чувство прекраснаго *общее* всѣхъ этихъ факторовъ, изъ которыхъ слагается психическая жизнь; оно относится къ *цѣлой* душѣ; и мы думаемъ даже, мы рѣшаемся утверждать, боясь ошибиться не въ сущности утвержденія, но только въ умѣніи выразить его,—что красота есть самая природа души. Внутреннѣйшее, что есть въ человѣкѣ, воспринимаетъ прекрасное; и внутреннѣйшее, что есть въ какомъ-либо другомъ существѣ, выражается въ прекрасныхъ чертахъ его образа.

Но ранѣе было указано, что всѣ повышенія краснваго въ органическомъ мірѣ совпадаютъ съ повышеніями въ немъ органической энергіи, той скрытой силы, которая живетъ въ каждомъ существѣ лишь какъ въ моментѣ своего воплощенія и потому именно превращаетъ его въ высшія и высшія формы. Эта сила, какъ было также указано, не имѣетъ ничего общаго съ механическими силами природы и обнаруживаетъ въ способѣ своего дѣйствія черты цѣлесообразности. Но цѣлесообразное всегда есть продуктъ психическаго. Вотъ почему органическую жизнь, въ темной глубинѣ временъ нѣкогда впервые шевельнувшуюся на землѣ, затѣмъ все развивавшуюся и теперь разлитую во всемъ

безгранично сложномъ царствѣ растеній и животныхъ, мы должны разсматривать какъ проявленіе въ веществѣ психической жизни. Полное же осуществленіе ея мы находимъ въ природѣ человѣка, и духъ его есть узелъ, завершеніе и источникъ всей органической природы. Онъ есть осуществленіе, а она—только осуществляющее, создающее его въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ, но въ сущности созданная имъ, какъ средство создается своею цѣлью, каждая ступень улучшенія—конечнымъ замысломъ улучшеннаго.

Этимъ изъясняется глубокое и особенное дѣйствіе красоты на душу человѣка: подобное возбуждается только подобнымъ, и какъ въ красотѣ выражается сокровеннѣйшій нервъ жизни, такъ на сокровеннѣйшій же центръ человѣческаго существа она и дѣйствуетъ. Здѣсь происходитъ сліяніе того, что разграничено физическими преградами, но что, обитая въ разныхъ существахъ, въ сущности есть одно, какъ цифра *2* и та *другая*, въ иномъ мѣстѣ написанная, есть въ сущности *одно* и тоже число два. И здѣсь, намъ думается, лежитъ разгадка того явленія, почему взаимное влеченіе двухъ половъ, двухъ раздѣленныхъ половинъ одного человѣческаго существа, которое мы называемъ любовью, сопровождается всегда ощущеніемъ красоты и ея дѣйствительнымъ повышеніемъ: эти два факта не безразличны другъ къ другу, они тѣсно связаны, потому что выражаютъ двѣ стороны одного явленія; любовь есть дѣйствительно сродство душъ, доходящее до сліянія ихъ въ одну, что физически и выражается въ рожденіи обоими новаго и одного одушевленнаго существа, а то, что предшествуетъ этому сліянію, есть ощущеніе одною душою близости другой, то-есть, красоты другаго подобнаго существа; потому-что, какъ уже замѣчено было, красота и есть душа всего живаго.

XIX.

Весьма замѣчательно, что трансформисты, признающіе превращеніе одной органической формы въ другую, и, слѣдовательно, происхожденіе человѣка отъ какого-то другаго вида животнаго, никогда не высказываютъ мысли, что и человѣкъ со временемъ перейдетъ еще въ иную какую-нибудь высшую форму; хотя такой взглядъ былъ бы въ высшей степени естественъ и послѣдователенъ въ теоріи трансформизма. Какой-то темный инстинктъ мѣшаетъ человѣку смотрѣть и на себя, какъ на одно изъ *промежуточныхъ* звеньевъ въ органическомъ процессѣ, хотя именно таковымъ является всякій зоологическій видъ, и homo sapiens составляетъ только одинъ изъ нихъ. Тревога за равновѣсіе и цѣлость солнечной системы, забота объ охлажденіи солнца и съ нимъ—за охлажденіе земли, все это мы находимъ въ ученой литературѣ, хотя эти угрожающіе факты если и вѣроятны, то не ранѣе, какъ по истеченіи многихъ милліоновъ лѣтъ. Но никогда не являлось тревоги, что человѣкъ, который можетъ погибнуть вмѣстѣ со своею планетой, ранѣе этого времени превратится въ какое-нибудь новое и высшее существо, относящееся къ нему такъ, какъ онъ относится къ семейству четверорукихъ обезьянъ. Что человѣкъ есть *граница*, *предѣлъ* въ органическомъ процессѣ—это инстинктивно чувствуется всѣмъ человѣчествомъ.

Это инстинктивное сознаніе дѣйствительно оправдывается многими наблюденіями и аналогіями. Если движущее начало въ органическомъ процессѣ есть органическая энергія, доселѣ устремлявшая формы все къ высшимъ и высшимъ очертаніямъ, то въ природѣ человѣка мы видимъ, что не только эти очертанія достигаютъ предѣла совершенства, но что органическая энергія и переливается за нихъ, являясь въ чистомъ и несвязанномъ видѣ какъ *психическая жизнь*. Уже самое появленіе ея въ этомъ видѣ заставляетъ a priori думать, что, въ вѣчныхъ усиліяхъ своихъ поднимать и улучшать организацію живаго типа, она встрѣтила, создавъ человѣка, какую-то непреодолимую преграду. И дѣйствительно, многія любопытныя изысканія обнаружили, что въ устройствѣ его тѣла разрѣшены въ предѣльной формѣ механическія задачи совмѣщенія силы, легкости и подвижности; такъ что всякое умаленіе чего-либо или увеличеніе, то есть, кажущееся усовершенствованіе какой-нибудь части, немедленно повлекло бы за собою ухудшеніе цѣлаго, нарушеніе въ немъ гармоніи и равновѣсія. Въ этой предѣльности разрѣшенной механической задачи органическая энергія и встрѣтила препятствіе, котораго она не можетъ преодолѣть: измѣнить организацію человѣка нельзя иначе, какъ только ухудшивъ ее,—что противно природѣ органической энергіи, которая только улучшаетъ. Отсюда понятно возникновеніе именно въ человѣкѣ психической жизни, лишь просвѣчивающей въ другихъ живыхъ существахъ.

на степени формирующаго начала ихъ организаціи. Тамъ она не отдѣлена отъ этой послѣдней, не высвобождена изъ нея, потому-что въ возможности улучшенія она имѣетъ сферу и объектъ для своего дѣйствія.

Но и явившись въ своемъ чистомъ и несвязанномъ видѣ, органическая энергія и здѣсь сохраняетъ основныя черты свои, вытекающія изъ природы ея какъ начала цѣлесообразнаго. И въ психической жизни человѣка, какъ ранѣе въ мірѣ животныхъ и растеній, она является силою неудержимо зиждущею и вѣчно устрояющею. Но такъ какъ въ *самомъ* человѣкѣ нѣтъ уже ничего, что могло бы быть достроеннымъ или улучшеннымъ, то-есть, въ немъ нѣтъ предмета для ея дѣятельности, то она ищетъ и находитъ эти объекты внѣ его. Отсюда творчество человѣка въ исторіи, устроеніе имъ внѣшнихъ для себя вещей, созданіе сложныхъ и великихъ организмовъ государства, науки и искусства.

XX.

Глубже всматрѣвшись въ это историческое творчество, мы откроемъ въ немъ замѣчательное соотношеніе съ творчествомъ органическимъ, съ новой стороны доказывающее, что въ человѣкѣ заканчивается органическій процессъ и что, если суждено когда-нибудь умереть на землѣ жизни, она умретъ съ нимъ и въ немъ.

И въ самомъ дѣлѣ, между органическимъ творчествомъ и между психическимъ, какъ оно выразилось въ исторіи, существуетъ то замѣчательное соотношеніе, что всякій разъ, когда первое не ослабѣваетъ—второе отсутствуетъ, а когда появляется второе—ослабѣваетъ первое. И при этомъ умаленіе одного изъ этихъ видовъ творчества при возрастаніи другаго совершается въ столь строгой соразмѣрности, что невозможно отрицать общности и единства ихъ происхожденія. Эту общность мы и находимъ въ органической энергіи, которая, преобразуясь въ психическую, ослабѣваетъ въ собственныхъ опредѣленіяхъ, напротивъ, ни во что не переходя—сохраняется въ прежнемъ видѣ, какъ энергія органическаго созиданія.

Вслѣдствіе предѣльной формы человѣческой организаціи, въ немъ органическая энергія, сохраняя свои прежнія черты, можетъ проявиться только въ актѣ рожденія, въ воспроизведеніи ряда поколѣній, въ которыхъ она продолжаетъ существовать послѣ смерти ихъ общаго прародителя. Поэтому соотношеніе, о которомъ мы говоримъ, можетъ быть прослѣжено на судьбѣ отдѣльныхъ родовъ [1], изъ которыхъ слагается каждая народность, на ихъ генезисѣ въ связи съ исторической дѣятельностью. Каждый родъ (gens) есть какъ бы отдѣлившаяся, въ лицѣ своего прародителя, вѣтвь человѣческаго рода, несущая въ себѣ нѣкоторую опредѣленную долю органической энергіи, причемъ эта послѣдняя, будучи не одинаковою въ различныхъ родахъ, въ каждомъ изъ нихъ, отдѣльно взятомъ, присутствуетъ какъ постоянное количество. Этою энергіей живетъ родъ физически, и ее же проявляетъ онъ въ своей исторической дѣятельности.

Рано исчезающіе роды, и притомъ безъ проявленія себя въ исторіи, должны быть разсматриваемы какъ заключавшіе въ себѣ отъ начала незначительное количество органической энергіи, которое и растратилось, преобразовавшись въ ту слабую степень психической дѣятельности, которая обнаруживается каждымъ человѣкомъ въ своей частной или семейной жизни. Мы не будемъ говорить объ этихъ родахъ, такъ какъ, за отсутствіемъ въ нихъ исторической дѣятельности, здѣсь не можетъ быть обнаружено то соотношеніе, въ которое входитъ эта дѣятельность вторымъ членомъ. Замѣтимъ только, что есть цѣлыя народности, представляющія аналогію съ этими родами: имена ихъ сохранены въ исторіи, но онѣ рано исчезли, придя въ соприкосновеніе съ другими народами, съ которыми слились безъ какого-либо рѣзко выраженнаго сопротивленія. Полабскіе славяне и, отчасти, все обширное кельтическое племя въ Европѣ могутъ служить лучшимъ примѣромъ подобныхъ слабыхъ народностей. Въ отличіе отъ народовъ, совершенно не принимавшихъ участія въ исторіи (какъ, напр., финскія племена), ихъ можно назвать *полуисторическими*. Общая черта ихъ заключается въ томъ, что они замѣшиваются въ движеніе всемірной исторіи чисто механически, внѣшнимъ и случайнымъ образомъ, но не составляетъ въ этомъ движеніи никакого органическаго звена. Ихъ отсутствіе изъ нея, ихъ выпаденіе, ни въ чемъ не нарушило бы хода

[1] Мы разумѣемъ *родъ* въ томъ опредѣленномъ и замкнутомъ значеніи, какъ онъ выразился (всего полнѣе и чище) у римлянъ въ патриціяхъ, у грековъ—въ эвпатридахъ, и менѣе чисто и полно у всѣхъ историческихъ народовъ.

и смысла историческаго развитія: въ немъ не доставало бы только какого-нибудь побочнаго эпизода, или нѣкоторыя необходимыя его звенья имѣли бы иную форму, иначе возникли бы, развились или окончились. До нѣкоторой степени участіе ихъ во всемірной исторіи можно сравнить съ вѣтромъ, который замѣшавшись въ древесную листву шумитъ въ ней и движетъ ее, но къ росту этого дерева и внутренней жизни самихъ листьевъ не имѣетъ никакого отношенія, въ очень рѣдкихъ случаяхъ прерываетъ его и никогда не бываетъ ему нуженъ.

Что касается до строго историческихъ народовъ, судьба которыхъ въ точности извѣстна, то на нихъ мы можемъ прослѣдить указанное выше соотношеніе, и въ этомъ именно соотношеніи лежитъ истинное объясненіе большинства явленій ихъ жизни. По крайней мѣрѣ все общее и важное въ этой жизни, ея вѣковыя, массовыя черты, для которыхъ такъ много и всегда напрасно историки искали какихъ нибудь объясняющихъ началъ или законовъ, разгадывается при свѣтѣ этого соотношенія.

XXI

Есть два типа историческаго движенія, и къ одному изъ нихъ сводится прошедшая жизнь каждаго единичнаго народа. Одинъ типъ, обнимающій собою жизнь меньшинства историческихъ народовъ (таковы, напримѣръ, Китайцы. Армяне, отчасти Евреи), заключаетъ въ себѣ ту главную особенность, что въ немъ *есть только передвиженіе частей, но нѣтъ движенія цѣлаго*,—вслѣдствіе чего явленія, имъ обнимаемыя, не слагаютъ изъ себя никакого процесса, въ которомъ послѣдующее исходило бы изъ предыдущаго, раскрывая смыслъ его. Жизнь народовъ, совершающаяся по этому типу, по причинѣ указанной особенности представляется неподвижною, не смотря на постоянное движеніе, которое въ ней происходитъ, на быструю смѣну явленій, на обиліе лицъ и событій. Движеніе это можно сравнить съ движеніемъ воды въ водопадѣ: ни одна частица ея и ни на одинъ моментъ не остается въ покоѣ, и однако въ цѣломъ своемъ водопадъ представляется неподвижнымъ; вѣка проносятся надъ нимъ, а онъ сохраняетъ все тотъ же видъ. Подобную же неподвижность при вѣчномъ движеніи представляла бы несущаяся впередъ точка, которая, однажды получивъ толчекъ и потомъ

не встрѣчая никакого сопротивленія и не испытывая дѣйствія никакой отклоняющей силы, продолжала бы нестись въ безграничное пространство, не ускоряя и не замедляя своего полета. Если мы спросимъ себя, отчего же происходитъ этотъ особенный и странный покой, что есть тутъ такого, что сообщаетъ подвижному черты неподвижнаго, то должны будемъ отвѣтить слѣдующее: къ измѣненію, однажды возникшему и продолжающемуся, здѣсь не приходитъ никакого новаго измѣненія, а съ тѣмъ вмѣстѣ не приходитъ и никакихъ различій, которыя могли бы сдѣлать послѣдующее не похожимъ на прежнее. У народа, жизнь котораго замкнута въ этотъ типъ генезиса, происходятъ войны, заключаются договоры, смѣняются династіи, наконецъ онъ является то свободнымъ, то порабощеннымъ, самъ владычествуетъ или надъ нимъ владычествуютъ и однако во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что заставило бы задуматься надъ собою историка или что могло бы внушить ему какую-нибудь общую идею. Всѣ эти событія—только частности, между собою не связанныя; и для каждаго изъ нихъ достаточно указать отдѣльную причину, его породившую, чтобъ оно было вполнѣ яснымъ и понятнымъ. При сильномъ сосѣдѣ такой народъ порабощается, при слабомъ—онъ господствуетъ, безъ какихъ-либо внутреннихъ причинъ для перваго или втораго. Онъ счастливъ при добромъ и благоразумномъ государѣ и бѣдствуетъ при зломъ,—и все это лежитъ внѣ всякой возможности предвидѣнія

Постоянство въ существованіи, не умирающая жизнь есть общая внѣшняя черта подобныхъ народовъ. Однажды появившись въ исторіи и ничего не привнося въ нее, они остаются затѣмъ въ ней неопредѣленно долгое время, то являясь участниками въ ходѣ ея событій, но лишь внѣшними, до извѣстной степени пассивнымъ образомъ, то погружаясь въ покой исключительно внутренней жизни. Черты нѣкоторой дряхлости (Китай. Арменія) можетъ быть и есть въ нихъ; но, появившись очень рано, эти черты затѣмъ нисколько не увеличиваются и смерть не наступаетъ для нихъ. Эту незначительную дряхлость мы можемъ отнести, какъ къ своей причинѣ, къ тому напряженію въ нихъ органической энергіи и переходу ея въ психическую дѣятельность, которое потребно было на первоначальное сложеніе ихъ въ націю и государство, -что представляетъ собою все-таки исторію, измѣненіе въ измѣненіи, а не простое чередованіе событій. Но, затѣмъ, оставшаяся часть органической энергіи, и

въ самомъ началѣ не очень значительной, уже передавалась у нихъ безъ измѣненія, отъ поколѣнія въ поколѣніе, ни во что не преобразуясь. Ея сохраненіе и есть истинная причина ихъ долговѣчности въ исторіи; а то, что сохраняясь она не преобразовывалась въ психическую дѣятельность, есть причина ихъ неподвижности. Въ нихъ нѣтъ духовнаго творчества, и потому въ жизни ихъ не происходитъ нарастанія въ явленіяхъ, которое сложило бы ихъ въ цѣльный, развивающійся процессъ. Войны или мирные договоры, даже законодательства, какія у нихъ есть — все это суть частныя событія въ жизни ихъ государей. Имѣя предметомъ своей дѣятельности жизнь цѣлаго народа или государства, эти послѣдніе только тогда проявили бы какое-нибудь психическое творчество, еслибы въ замыслѣ ихъ или въ дѣлахъ обнаружились какія-нибудь особенныя и новыя черты въ сравненіи съ тѣмъ, что совершалось ранѣе. И какъ отсутствуетъ творчество въ ежедневной дѣятельности каждаго частнаго человѣка, такъ отсутствуетъ оно и здѣсь, въ событіяхъ народной или государственной жизни, производимыхъ обычною дѣятельностью государей. Они не затрогиваютъ внутренняго нѣдра ихъ существа, они происходятъ только на его поверхности. Замѣтимъ, что та незначительная психическая жизнь, которая проявляется и въ частной дѣятельности, но не имѣетъ здѣсь никакого подобія съ глубиной и обиліемъ жизни въ моменты творчества, не сокращаетъ историческаго существованія этихъ народовъ, потому что является такимъ же отраженіемъ органической энергіи, какія мы наблюдаемъ и въ зачаткахъ психической дѣятельности у животныхъ,—но только отраженіемъ неизмѣримо болѣе яркимъ, такъ какъ и органическая энергія въ человѣкѣ неизмѣримо возрасла.

XXII

Второй типъ историческаго движенія есть *развитіе*, и черезъ него проходитъ жизнь большинства историческихъ народовъ. Судьба Греціи можетъ служить классическимъ примѣромъ этого втораго типа генезиса, какъ Китай служитъ классическимъ примѣромъ перваго типа. Его общею отличительною чертой служитъ то, что въ немъ есть *движеніе цѣлаго*, и въ него именно входитъ, какъ частность въ общее, движеніе частей. Поэтому

историческія явленія, замкнутыя въ этотъ типъ (войны, договоры, законодательства и пр.), имѣютъ въ себѣ каждое нѣчто частное, особенное, и всѣ — нѣчто общее, связующее ихъ въ одно. Если мы анализируемъ эту общую часть, то увидимъ, что во времени она является нарастающею и усложняющеюся, и это-то именно нарастаніе и усложненіе и сообщаетъ всему типу генезиса, о которомъ мы говоримъ, его отличительныя, характерныя черты. По нимъ мы можемъ назвать его *процессомъ раскрывающимся*, такъ какъ онъ весь слагается изъ фазъ, изъ которыхъ каждая послѣдующая, являясь возросшею сравнительно съ предыдущею, яснѣе раскрываетъ въ себѣ то содержаніе, которое уже заключалось въ ней, но лишь въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ. Поэтому-то и въ жизни народовъ, проходящей въ формѣ этого процесса, каждое явленіе получаетъ свой смыслъ и освѣщеніе не столько въ предшествовавшихъ или одновременныхъ съ нимъ обстоятельствахъ, сколько въ томъ, что за нимъ послѣдовало, во что перешло оно.

Вслѣдствіе того, что этотъ типъ генезиса заключаетъ въ себѣ движеніе цѣлаго, а не частей только, въ немъ не однѣ части и оканчиваются, не единичныя только явленія завершаются и прекращаются, но онъ весь оканчивается въ своемъ цѣломъ. Это есть общая и постоянная черта народовъ, исторія которыхъ слагается по его типу, что они суть народы постоянно возрастающіе въ красотѣ и силѣ своей духовной жизни и затѣмъ умирающіе. Какъ въ истинномъ смыслѣ жизнь одинъ имъ присуща въ исторіи, такъ и смерть есть ихъ необходимый удѣлъ.

Разсмотримъ и у этихъ народовъ соотношеніе между тратою органической энергіи и между психическимъ творчествомъ. Если историческая жизнь племенъ, замкнутая въ первый типъ генезиса, обнаруживаетъ только въ самомъ общемъ видѣ это соотношеніе—какъ отсутствіе траты энергіи и съ нимъ вѣчное продолженіе рода при отсутствіи духовнаго творчества,—то здѣсь, у народовъ, замкнутыхъ въ раскрывающійся генезисъ, мы можемъ наблюдать всѣ частности, всѣ варіаціи этого соотношенія, и въ нихъ-то именно, являясь никогда не нарушеннымъ, оно получаетъ свое полное подтвержденіе и оправданіе.

Но прежде, нежели перейти къ этимъ частностямъ, скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе общей формы раскрывающагося процесса. Она строго вытекаетъ изъ того, что въ немъ происходитъ преобразованіе органической энергіи въ высшую форму—

въ одухотворенность, потому что это преобразованіе можетъ совершиться только по законамъ цѣлесообразности. Какъ уже опредѣлено было выше, органическая энергія есть сила скрытой цѣлесообразности, которая возрастаетъ въ своемъ напряженіи по мѣрѣ того, какъ подвигается во времени, подходитъ къ завершенію своему, къ цѣли. Откуда, пока сферой ея дѣйствія была организованная матерія—являлось усовершенствованіе этой организаціи, появленіе все высшихъ и высшихъ растительныхъ и животныхъ формъ; а съ переходомъ этой энергіи въ иной и высшій видъ, законъ движенія ея не измѣняется, и отсюда-то именно вытекаетъ форма *раскрывающагося* процесса, въ которую слагается историческая жизнь духовно-творческихъ народовъ. Во всемъ, что̀ создается ими, будетъ-ли то политическая форма, наука и философія или искусство—все послѣдующее является болѣе прекраснымъ и болѣе мощнымъ, нежели предыдущее, жизненность и красота созданій возрастаетъ, какъ возрастаетъ и сложность организаціи въ растительномъ и животномъ мірѣ, варіирующемъ въ формахъ этого же раскрывающагося процесса. Самый ходъ событій въ исторіи этихъ народовъ въ высшей степени проникнутъ обычными чертами цѣлесообразности: двигаясь медленно и будучи незначительными при началѣ, они все нарастаютъ въ размѣрахъ по мѣрѣ того, какъ чередуются; самое развитіе ихъ ускоряется, и, наконецъ, передъ моментомъ завершенія судебъ народа, они пріобрѣтаютъ поразительное величіе и красоту, и вмѣстѣ—ужасающую быстроту въ своемъ ходѣ, почти какую-то торопливость. Такъ исторія греческаго народа, продолжавшаяся приблизительно половину тысячелѣтія, въ одномъ вѣкѣ (V до Р. Х.), предшествовавшемъ ея паденію, вмѣщаетъ и греко-персидскія войны, и вѣкъ Перикла, и Пелопоннезскую войну; вспомнимъ также утороплепный ходъ римской исторіи отъ конца 2-й Пунической войны до Августа: съ небольшимъ въ одномъ столѣтіи здѣсь включено столько событій, и притомъ неизмѣримо значительныхъ, сколько ихъ не заключено во всѣхъ предшествующихъ вѣкахъ достовѣрной исторіи Рима. Здѣсь и тамъ мы одинаково наблюдаемъ, что событія какъ-бы какою-то безпорядочною толпой торопятся впередъ, въ нихъ есть жадность бытія и движенія,—мы поясняемъ: жадность достигнуть и выразить цѣль свою, т.-е. свой смыслъ, красоту, раннимъ отблескомъ которой они всѣ жили, силою которой порождены были и длились во времени.

XXIII.

Теперь переходимъ къ частностямъ въ жизни какъ названныхъ двухъ, такъ и подобныхъ народовъ. Не въ полномъ составѣ своемъ живутъ они историческою жизнью, обнаруживая въ ней психическое творчество; *масса* народная, и именно весь сельскій людъ и бо̀льшая часть городскаго, всегда является въ исторіи только служебнымъ матерьяломъ, только пассивнымъ орудіемъ выполненія цѣлей, которыя зарождаются въ мысли и страстяхъ немногихъ отдѣльныхъ людей или группъ ихъ. Эти послѣдніе образуютъ собою *историческіе роды* (gens), и что̀ бы ни служило основою ихъ возвышенія—древность происхожденія, сводящаяся къ древности перваго важнаго дѣянія какого-нибудь предка, или богатство, или даровитость—во всякомъ случаѣ эти роды, однажды возвысившись, очень долго удерживаютъ свое положеніе, и съ ихъ дѣятельностью неизмѣнно связывается исторія цѣлаго народа. Эта историческая дѣятельность, каковъ бы ни былъ ея характеръ, на что̀ бы ни была она направлена, всегда связана съ бо̀льшимъ напряженіемъ духовныхъ силъ, нежели какого требуетъ простая частная жизнь; и, слѣдовательно, если соотношеніе, которое мы выясняемъ, правильно—она болѣе истощаетъ органическую энергію рода. И дѣйствительно, у всѣхъ исторически извѣстныхъ націй мы наблюдаемъ, что *историческіе роды угасаютъ въ нихъ гораздо ранѣе, нежели не историческіе*, и это внѣшнимъ образомъ выражается въ томъ, что подобныя націи продолжаютъ еще долго существовать какъ этнографическій матеріалъ послѣ того, какъ собственно исторія ихъ уже закончилась. Хорошимъ примѣромъ этого могутъ служить Греки, которые существуютъ двѣ тысячи лѣтъ, какъ этнографическій матеріалъ, не произведя за это время ни одной геніальной личности, хотя прошедшее ихъ родины и стоитъ передъ ними, какъ великій руководящій примѣръ и образецъ; а ранѣе, въ теченіе немногихъ сотъ лѣтъ своей исторіи и безъ всякаго руководящаго примѣра, они выдвинули изъ себя на всѣхъ разнообразныхъ поприщахъ политической, умственной и художественной жизни великія дарованія. Яркость и красота созданнаго этими даровитыми личностями, очевидно, истощила энергію нѣсколькихъ историческихъ родовъ, и они угасли; а остальные роды продол

жаютъ до сихъ поръ существовать, потому что они ничего выдающагося не создали и не совершили. Органическая энергія въ нихъ сохраняется, потому что она ни во что̀ не переходитъ; а тамъ, преобразовавшись въ психическое творчество, она исчезла.

Замѣтимъ, что въ каждомъ родѣ, будетъ-ли онъ историческій или нѣтъ, органическая энергія есть количество постоянное, однажды (въ актѣ рожденія отъ предка) установившееся и поэтому она распредѣлена въ немъ такимъ образомъ, что всякое нарастаніе ея въ одной личности сопровождается умаленіемъ во всѣхъ другихъ. То-есть, разъ въ психическомъ творчествѣ или въ исторической дѣятельности она истощается, преобразуясь, — ея остается уже очень немного въ историческихъ родахъ передъ моментомъ ихъ угасанія. Это мы и наблюдаемъ въ нихъ дѣйствительно: послѣдніе представители историческихъ родовъ являютъ собою такія черты психической малоспособности, которыя ставятъ ихъ настолько же ниже обыкновеннаго уровня людей, насколько ихъ предки стояли выше этого уровня; и какъ тѣ возвышали свой народъ и вели его за собою по историческому пути, такъ эти пятнаютъ собою исторію, нѣкогда возвеличенную ихъ родоначальниками, и вносятъ въ нее своею дѣятельностью хаосъ и разрушеніе. Не силой характера своего вносятъ они его, но именно малоспособностью психическою, которая проявляется въ сферѣ умственной — безсмысліемъ, въ сферѣ чувства — отсутствіемъ всякаго живаго порыва, въ сферѣ воли — безхарактерностью. Неудача сопутствуетъ всякому ихъ замыслу, нелѣпо задуманному или нелѣпо выполненному; и они невольно сходятъ съ исторической сцены, отдаваясь исключительно частной жизни, какъ требующей менѣе силъ; но и въ ней, обладая еще высокимъ положеніемъ и часто богатствомъ, они производятъ только низкое или преступное. Черты нравственнаго идіотизма проступаютъ въ образѣ ихъ жизни, въ томъ, чего они желаютъ или чѣмъ удовлетворяются; и, не неся въ себѣ никакой задержки и только опасаясь карающаго закона, они втайнѣ развертываютъ свои извращенныя и потухающія страсти безъ какой-либо жалости къ людямъ, безъ какого-либо укора совѣсти. Съ тѣмъ вмѣстѣ робость и безволіе постоянно сопутствуютъ имъ, и кто имѣетъ въ себѣ силу душевную—можетъ безъ опасенія гнести ихъ всяческимъ униженіемъ. Ненавидя и боясь, они все ниже и ниже склоняются передъ сильнымъ и, несмотря на величайшее тщеславіе, переносятъ даже смѣшное. И однако, въ силу этого же тщеславія, они все еще пытаются выйдти изъ сферы частной жизни; политическая для нихъ невозможна — она требуетъ энергіи въ самый моментъ дѣйствія, сейчасъ же, на что̀ они не могутъ рѣшиться; и вотъ они отдаются занятіямъ наукой, искусствомъ и литературой,—и вносятъ въ нихъ разложеніе и смерть, какъ и во все, къ чему прикасаются, сами едва ходящіе мертвецы: мѣсто поэзіи занимаетъ холодная реторика и противоестественное словоизвитіе, наука становится безсмысленнымъ собираніемъ незначительныхъ фактовъ и ненужныхъ свѣдѣній; наконецъ, живопись, скульптура и архитектура становятся вычурными и смѣшными. Отсутствіе чего-либо простаго, яснаго и добраго есть общая и постоянная черта этого творчества. Не понимая сущности явленія, которое передъ ними совершается, оставшіеся истинные поэты думаютъ остановить его неудержимый ростъ, — и возникаетъ новый родъ литературы, сатира—самый безплодный и ненужный изо всѣхъ. Ее привѣтствуютъ всѣ, отъ нея ожидаютъ, что она что-то поправитъ въ непоправимомъ, улучшитъ, когда можно было бы только пересоздать; но, какъ само собою разумѣется, всѣ эти ожиданія бываютъ напрасны. Поношенные читатели ея, какъ и во всемъ другомъ, стараются и въ ней превзойти всѣхъ другихъ. Понимая во всемъ только внѣшнее, они придумываютъ самые необыкновенные пороки и выказываютъ отвращеніе къ нимъ въ самыхъ длинныхъ словахъ. Каждое изъ нихъ чрезвычайно сильно, и они утѣшаются, что превзошли свои образцы и стяжали уже безсмертіе; а поздній читатель ихъ, удивляясь странному сочетанію необыкновенныхъ выраженій, съ любопытствомъ всматривается въ больной умъ и больное сердце, въ которыхъ могло все это зародиться.

Римское общество временъ имперіи (и въ частности — сословіе сенаторовъ) можетъ пояснить все сказанное. Едва-ли нужно говорить, что въ появленіи подобнаго общества лежитъ роковая необходимость для всякаго историческаго народа, и онъ также долженъ готовиться къ нему, какъ всякій живущій человѣкъ, а не искусственный автоматъ, долженъ готовиться къ старости и смерти. Оно составляетъ великое бремя для народа, обыкновенно еще здороваго въ это время въ своихъ глубокихъ нѣдрахъ; но какъ нѣкогда онъ принималъ отъ его предковъ все великое и благодѣтельное, такъ теперь долженъ перенести съ мудрымъ

терпѣніемъ все нелѣпое и дурное. Стѣсненіе по возможности ихъ свободы, уничтоженіе чего-либо привилегированнаго въ ихъ положеніи, чѣмъ обычно пользуются еще они по наслѣдію, есть только необходимая мѣра самосохраненія отъ нихъ, и она должна быть принята: но затѣмъ, они должны быть окружены вниманіемъ, заботой и состраданіемъ, не потому, чтобы заслужили все это—сами они ничего уже не могутъ заслужить, но только изъ уваженія и благодарности къ памяти ихъ предковъ. Въ соотношеніи, которое разбираемъ мы, раскрывается великій смыслъ и глубокая справедливость аристократическихъ формъ общества: кто принимаетъ доброе—долженъ принять и злое, и кто отдаетъ все народу, даже жизнь и счастье своего рода—долженъ надѣяться современемъ и получить что-нибудь, хотя бы простое милосердіе къ своему бѣдствію.

XXIV.

Моменты временнаго пониженія духовной жизни и окончательнаго паденія историческихъ націй также находятъ свое объясненіе въ этомъ соотношеніи. Уже давно замѣчено, что за каждымъ великимъ успѣхомъ и высокимъ подвигомъ, который совершаетъ какой-либо народъ въ своей исторіи, слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ упадка его духовныхъ и политическихъ силъ. Поразительный примѣръ этого представляетъ Италія послѣ Возрожденія наукъ и искусствъ и Германія послѣ эпохи Реформаціи: на всемъ протяженіи этихъ странъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не выходитъ изъ нѣдръ народа не только ни одного великаго дарованія; но, слѣдя за наукой, за характеромъ общества, за церковью и политикой, мы съ удивленіемъ видимъ повсюду такую посредственность ума и слабость характеровъ, какой не находимъ у тѣхъ же народовъ въ самыя незначущія, среднія эпохи ихъ жизни. То же можно сказать объ Испаніи послѣ вѣка Филиппа II и Сервантеса, когда она стояла во главѣ великаго движенія католицизма противъ реформаціи и героически боролась съ мусульманскимъ Югомъ и Востокомъ; это же наблюдаемъ мы и въ Россіи въ три послѣднія четверти XVIII вѣка, слѣдовавшія за эпохой преобразованій ея Петромъ Великимъ и его сподвижниками. Историки долго и всегда напрасно отыскивали причины для этихъ временныхъ паденій и не находили ничего другаго въ объясненіе, кромѣ сѣтованій на деспотизмъ государей или на упадокъ образованія, дурное состояніе школъ и испорченность нравовъ; но, конечно, это только тѣ же проявленія упадка, для котораго ищется объясненіе, это есть для всѣхъ очевидное слѣдствіе, а не искомая его причина. Въ распредѣленіи органической энергіи, которая, сосредоточиваясь въ одномъ пунктѣ, ослабѣваетъ во всѣхъ ближайшихъ, лежитъ истинная причина этихъ историческихъ явленій. Великое усиліе въ сферѣ политики, религіозныхъ идей или искусства настолько истощаетъ силы націи, или, что то же, родовъ, ее составляющихъ собою, что въ теченіе ряда десятилѣтій ея едва хватаетъ на повтореніе поколѣній, въ которыхъ психическая жизнь тускла, просвѣчиваетъ сквозь организацію менѣе, нежели какъ она свѣтитъ въ обыкновенномъ нормальномъ человѣкѣ. И только когда проходитъ достаточное время отдыха, снова и безъ всякой видимой причины начинается для націи духовное пробужденіе. Такъ называемый „періодъ бурныхъ стремленій“ въ протестантской Германіи есть, кажется, самый типичный и, можетъ быть, самый прекрасный примѣръ подобнаго пробужденія; у насъ мы наблюдаемъ его въ радостномъ оживленіи общества и литературы въ началѣ царствованія Александра I. Насколько незначущи при этомъ бываютъ внѣшнія причины, это можно видѣть изъ того, что духовное творчество нашего общества все возрастало несмотря на гнетъ его при Аракчеевѣ, а въ царствованіе Николая I стало классическимъ по красотѣ и достоинству своихъ созданій.

Психическое творчество человѣка также относится къ органической энергіи, которою физически живетъ онъ, какъ цвѣтъ и плодъ дерева относятся къ его растительнымъ силамъ. Несмотря на полное несходство одного и другаго во внѣшнихъ чертахъ, по взаимной ихъ обусловленности мы заключаемъ, что они суть двоякое выраженіе чего-то одного. И дерево, какъ человѣкъ, принесши плодъ, ослабѣваетъ на время: и для него наступаетъ зимній сонъ, во время котораго оно перестаетъ расти. И замѣчательно, что чѣмъ обильнѣе было цвѣтеніе, тѣмъ сильнѣе бываетъ наступающая слабость. Опытные садовники, зная это соотношеніе, обрываютъ завязывающійся цвѣтъ растенія, ранѣе чѣмъ онъ распустится и принесетъ плодъ. Этимъ они сохраняютъ растенію его силы и удлиняютъ жизнь его. Но въ исторіи, какъ и въ безъискусственной природѣ, все развивается свободно, подчиненное только великимъ законамъ своимъ. Однако это не

мѣшаетъ намъ наблюдать надъ нею и, открывая эти законы, вдумываться въ ихъ глубокій смыслъ...

Есть даже растенія, которыя цвѣтутъ только однажды и, принеся плодъ, умираютъ. Этотъ примѣръ удобенъ для того, чтобы, снова возвратившись къ исторіи, сказать еще нѣсколько поясни-тельныхъ словъ объ умираніи историческихъ народовъ. Если всякій подъемъ въ народѣ психическаго творчества вызываетъ упадокъ его силъ на болѣе или менѣе продолжительное время, то рядъ этихъ подъемовъ (какъ въ новой европейской исторіи) или постепенное и непрерывно возрастающее творчество, разрѣшающееся наконецъ множествомъ самыхъ чудныхъ созданій, появляющихся почти одновременно (какъ въ античной исторіи), совершенно истощаетъ его силы и производитъ его окончательное угасаніе, Только масса простаго народа, которая, ежедневно физически трудясь, не имѣла никакой возможности преобразовать свою органическую энергію въ психическую, остается жизненною и продолжаетъ существовать какъ этнографическій матеріалъ; историческіе же роды, то-есть, совокупность высшихъ классовъ, едва продолжаютъ влачить свое существованіе. Они уменьшаются даже количественно, потому что рожденія численно уже не покрываютъ умираній. Гордые и замкнутые еще болѣе, чѣмъ прежде, эти классы раскрываются и, хотя съ отвращеніемъ, принимаютъ въ себя частицы простаго, жизненнаго народа (Спарта, Аѳины, Римъ); изъ нихъ именно происходятъ въ это время всѣ замѣчательные люди (напр., лучшіе римскіе императоры, римскіе полководцы временъ переселенія народовъ, и пр.). Но появленіе этихъ выдающихся личностей становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ, потому что частицы простаго народа, допускаемыя въ себя высшими классами, никогда не бываютъ значительны. Между тѣмъ слабость и малоспособность этихъ классовъ все возрастаетъ. Лежа на народѣ, какъ бремя, они только разлагаютъ тѣ слои его, которые непосредственно съ ними соприкасаются, но уже не могутъ оказать ему ни въ чемъ помощи, не въ состояніи повести его ни къ чему трудному, какъ бы оно ни было необходимо. Съ ними и черезъ нихъ народъ и государство становятся беззащитными среди окружающихъ, свѣжихъ племенъ и, въ концѣ концовъ, поглощаются ими; подобно тому, какъ великіе остатки какого-нибудь жилища, въ которомъ лежитъ только трупъ того, кто нѣкогда соорудилъ его, жилъ въ немъ и защищалъ его, растаскиваются на потребности свои случайными при-

шельцами. Зрѣлище такого постепеннаго поглощенія представляетъ собою Римъ временъ паденія Западной имперіи: покорившій нѣкогда всѣ народы, онъ былъ растоптанъ по частямъ дикими полчищами германцевъ, даже именъ предводителей которыхъ мы большею частью не знаемъ.

XXV.

Здѣсь же лежитъ объясненіе генія. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ людей, которые являются промежуточными въ исторіи, только продолжаютъ въ ней или подготовляютъ, онъ является въ ней, всегда и одинъ, *заканчивающимъ*. Длинный процессъ какого-нибудь развитія, въ каждомъ звенѣ котораго мы открываемъ что-нибудь ясно недостающее, около котораго трудились безчисленные умы разной силы,—вдругъ замыкается созданіемъ, передъ которымъ мы останавливаемся, удивленные, и полнота внутренняя, гармонія частей, отсутствіе чего-либо недостающаго есть главное, что поражаетъ насъ въ немъ. Это придаетъ подобному созданію *предѣльность*: созерцая его, мы чувствуемъ, что за границы его совершенства нельзя переступить и, пытаясь повторить его въ своемъ творчествѣ или подражать ему,—создаемъ только уродливое. Видя это, мы называемъ его идеаломъ, какъ вѣчно достигаемымъ и никогда недостижимымъ. Ощущеніе странной тоски есть, кажется, главное и самое общее, что мы испытываемъ созерцая его: оно влечетъ насъ въ какую-то область, темную и загадочную, о которой мы раньше ничего не думали, и вдругъ чувствуемъ въ ней, въ ея странной и обаятельной глубинѣ, что-то самое близкое и родное, отъ чего мы только уклонились забывшись, но куда намъ нужно непремѣнно идти, оставивъ все нужное, чѣмъ раньше жили. Геніальное созданіе, къ какой-бы сферѣ оно ни относилось, есть какъ-бы лучъ, скользнувшій по землѣ изъ иныхъ и высшихъ міровъ; и люди тянутся къ нему, потому что и самая природа ихъ, то, что есть въ ней сокровеннаго и глубокаго, неяснаго для нихъ самихъ—такъ же изъ высшихъ и иныхъ міровъ, сродство съ которыми они вдругъ познаютъ черезъ созерцаніе подобнаго созданія.

Уже давно замѣчено, что въ характерѣ генія лежитъ нѣчто особенное, что дѣлаетъ его непохожимъ на всѣхъ остальныхъ людей. И дѣйствительно, среди нихъ, лишь продолжающихъ ис-

торію, онъ, заканчивающій ее, стоитъ одиноко; и нѣтъ ничего, что могло бы разрушить положенную въ самомъ строѣ души преграду, которая отдѣляетъ его отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ, которые его окружаютъ, любятъ или ненавидятъ, но никогда не могутъ понять. Чаще всего онъ самъ не понимаетъ, что отдѣляетъ его отъ нихъ. Тщетно силится онъ переступить эту невидимую преграду, тянется ко всѣмъ радостямъ жизни, которыя такъ хорошо понимаетъ, которыя такъ любитъ, и которыхъ вкусить ему никогда не дано. Нѣтъ никакой въ немъ неповѣрчивости, и, видя души людей, какъ прозрачныя, онъ хочетъ ввести ихъ и въ свою душу, но здѣсь впервые чувствуетъ, что какое-то взаимное несоотвѣтствіе психическаго строя препятствуетъ этому. По мѣрѣ того, какъ проходитъ время, эта жажда человѣческой близости становится неутолимѣе, желаніе примкнуть къ чужой жизни—страстнѣе; онъ срываетъ съ себя все, что людямъ могло бы показаться въ немъ страннымъ или враждебнымъ, глубоко хоронитъ всякое отличіе въ себѣ и хочетъ войти къ нимъ, какъ равный или низшій. Напрасныя усилія: своимъ проницающимъ взглядомъ онъ ясно видитъ, что даже жалкаго и смѣшнаго (какимъ они всегда любятъ ближняго, за что прощаютъ ему все глупое и даже злое) *его* они не любятъ; и смѣхъ, который онъ внушаетъ имъ собою, не есть смѣхъ примиряющій и сближающій, но враждебный и отталкивающій.

Эта глубокая отъединенность отъ людей быть можетъ становится, до нѣкоторой степени, побужденіемъ къ творчеству; видя напрасность всякаго усилія стать дорогимъ для нихъ при жизни, онъ хоть въ воображеніи своемъ хочетъ пережить это счастье, хотя въ далекихъ будущихъ временахъ; когда скроется его ненавистный для нихъ образъ и смѣнятся поколѣнія ихъ потомковъ, онъ начнетъ жить въ умѣ тѣхъ потомковъ своею мыслью, или въ ихъ сердцѣ—тѣми чувствами, которыя при жизни никогда не были раздѣлены. Пусть они будутъ костью не отъ его кости и плотью не отъ его плоти, но эта чужая плоть и кость приметъ въ себя его душу, онъ убьетъ въ нихъ то, что есть въ нихъ чужаго, и поселитъ свое, чему не могъ найти мѣста при своей жизни. И въ то время, какъ могилы ихъ отцовъ будутъ забыты ими, онъ самъ, забытый этими отцами, привлечетъ къ своей могилѣ, хотя въ позднія времена, ихъ потомковъ; и они понесутъ на нее всѣ свои тревоги и радости, всѣ мучительные вопросы своей мысли и сокровенныя надежды своего сердца. И оставятъ все, что завѣщали

имъ отцы ихъ, чѣмъ жили тѣ отцы и что копили для своего потомства; и пойдутъ туда, куда они не хотѣли вести ихъ—за звукомъ его имени, благословляя его память, осуществляя то именно, чего онъ такъ сильно и такъ напрасно желалъ при жизни.

Эта особенная и странная жажда жизни послѣ смерти—если не руководитъ геніемъ въ его творчествѣ, то, по крайней мѣрѣ, сопутствуетъ этому творчеству; и въ ней есть много темнаго и загадочнаго: какъ-будто какое-то отвращеніе совершенной души къ несовершеннымъ, и отсюда желаніе погасить въ нихъ жизнь—содержится въ этомъ чувствѣ, почти преступномъ. Совершенная мысль генія, завѣщанная имъ въ трудахъ его, въ самомъ зародышѣ убиваетъ тысячи мыслей въ милліонахъ чужихъ душъ, вырываетъ еще не взрослую жатву и вмѣсто всего разнообразія, какое она представила бы собою, разрастается великимъ, но одинокимъ деревомъ. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ совершенствомъ, которое вноситъ геній въ духовный міръ людей, онъ вноситъ въ него и нѣкоторый уклонъ къ единству; вмѣстѣ съ радостнымъ и близкимъ, что несетъ его трудъ людямъ, онъ несетъ въ себѣ и нѣчто губительное. И въ ту особенную тоску, которую испытываютъ люди, созерцая геніальное созданіе,—быть можетъ, не малою долей входитъ тоска по своей жизни, по тому не взрослому міру темныхъ мыслей и желаній, которыя никогда болѣе не пробудятся, обожженныя знойнымъ лучомъ совершеннаго созданія.

Чувство отъединенности своей отъ людей, сознаніе невозможности прикоснуться къ простымъ и тихимъ радостямъ земли, и это преступное желаніе погубить еще не родившуюся жизнь входитъ только частью, и притомъ не главною, въ то особенное и сумрачное настроеніе, которое уже въ древности было отмѣчено какъ постоянная черта генія. Изъ-за ощущенія несоотвѣтствія своего со всѣмъ живущимъ, встаетъ мало-по-малу иное ощущеніе въ немъ, въ которомъ содержится разгадка всего страннаго и непонятнаго, что отъ начала онъ чувствуетъ въ себѣ: это—ощущеніе близости смерти, гораздо болѣе ясное, чѣмъ у другихъ людей, и наступающее гораздо ранѣе, чѣмъ придетъ физическая смерть. Жалкое и напрасное усиліе отъ нея уклониться порождаетъ въ немъ эту странную жажду жизни послѣ смерти, въ душѣ хотя-бы иныхъ людей, но непремѣнно здѣсь, на землѣ; и ея же холодное вѣяніе и желаніе всякаго живаго существа убѣ-

жать отъ нея поселяетъ то враждебное между нимъ и другими людьми, чего не могутъ они объяснить себѣ, и что онъ не въ силахъ преодолѣть. Все закрыто отъ него на землѣ, все отъ него отдѣлено на ней; и только вѣчное небо сіяетъ надъ нимъ, съ нимъ однимъ не порвана его связь и соотношеніе. Онъ видитъ его тѣмъ ярче и тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ глубже смертный сумракъ, обволакивающій его со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной, и закрывающій отъ него все земное. Закрывая усталые глаза на землю, покорившись особенностямъ своей природы, онъ какъ бы въ нѣкоторомъ видѣніи открываетъ ихъ въ небо; и тѣ высокія истины, которыя открываются ему тамъ, высшую и просвѣтленную красоту—все это онъ сводитъ на землю, едва пересиливая себя, чтобы черезъ внѣшній образъ или въ звукѣ словъ сдѣлать понятнымъ и воспріемлемымъ для людей то, что онъ созерцалъ безъ словъ и безъ образовъ.

XXVI.

И въ самомъ дѣлѣ, если для другихъ людей земная смерть наступаетъ лишь въ относительномъ, условномъ смыслѣ, то для генія она наступаетъ въ значеніи абсолютномъ и совершенномъ. Являясь промежуточнымъ звеномъ въ исторіи, каждый человѣкъ несетъ въ себѣ жизнь, принятую отъ другаго, и, умирая, передаетъ ее своему преемнику; одинъ геній только принимаетъ, но уже никому не передаетъ жизнь: она угасаетъ въ немъ—для вѣчной жизни въ его созданіяхъ. Во всякомъ случаѣ, изъ сферы человѣческаго существа она уходитъ, теряетъ свою связь съ его образомъ. Какъ человѣкъ есть грань органическаго процесса, гдѣ онъ заканчивается, не продолжаясь далѣе, такъ геній есть грань и предѣлъ человѣчества, въ лицѣ котораго оно (частично) потухаетъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ для всякаго иного существа смерть есть только индивидуальное умираніе, только упаданіе отдѣльной волны въ воды океана, который самъ остается,—для генія смерть есть родовое, и даже болѣе—органическое умираніе: въ немъ не волна всплеснувшая упадаетъ, а пересыхаетъ самъ великій океанъ. Отсюда понятно то особенное чувство, которое онъ несетъ въ себѣ, и особенное и странное ощущеніе, которое испытываютъ всѣ, кому случится соприкоснуться съ нимъ. Его внутренній міръ не похожъ на внутренній міръ

другихъ людей, и судьба его иная, чѣмъ ихъ; есть дѣйствительно несоотвѣтствіе въ ихъ психическомъ строѣ.

Внѣшнимъ образомъ это выражается въ томъ, что въ геніи заканчивается родъ, его породившій, вся энергія котораго безъ остатка преобразуется въ его психическое творчество. Если мы возьмемъ важнѣйшія сферы историческаго созиданія и выдѣлимъ всѣхъ великихъ людей, трудомъ которыхъ они воздвигались, то замѣтимъ, что ни въ одномъ изъ этихъ людей не было нарушено раскрываемое нами соотношеніе между силой индивидуальнаго творчества (духовнаго) и слабостью родоваго (физическаго). Именно, всякій разъ, когда творчество было безусловно геніально—безусловно пресѣкался въ творящемъ родъ его; а когда оно было близко къ геніальному—родъ продолжался, но или только въ лицѣ женскаго потомства, то-есть не несущаго въ себѣ энергіи дальнѣйшаго органическаго созиданія, или, если и въ мужскомъ, то въ чрезвычайно хиломъ, малоспособномъ физически и духовно, рѣдко достигающемъ полныхъ лѣтъ и обыкновенно угасающемъ въ первомъ же колѣнѣ. Въ политической исторіи этимъ объясняется, почему за всѣми великими царствованіями слѣдуютъ или междоусобія (въ случаѣ совершеннаго прекращенія династіи въ лицѣ великаго государя), или чрезвычайное замѣшательство, ухудшеніе и даже остановка всѣхъ дѣлъ (въ случаѣ продолженія династіи въ лицѣ малоспособныхъ преемниковъ великаго государя). Достаточно указать на судьбу Греціи послѣ Александра Великаго, Рима—послѣ Цезаря, средней Европы—послѣ Карла Великаго, Россіи—послѣ Іоанна IV и Петра I-го, чтобы объяснить мысль, которую мы высказываемъ и для полнаго подтвержденія которой нужны бы обстоятельныя историческія изслѣдованія, здѣсь неумѣстныя. Но мысль эта находитъ еще болѣе подтвержденія, если отъ политическаго творчества мы обратимся къ чисто духовному: Филій, Рафаэль и Бетховенъ въ сферѣ искусства, Платонъ и Аристотель, Декартъ и Бэконъ, Спиноза, Лейбницъ и Кантъ въ сферѣ чистой мысли, Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ въ сферѣ точнаго знанія, и почти всѣ великіе поэты—оправдываютъ въ высшей степени это соотношеніе, въ размѣрахъ дарованія своего и отсутствіи или слабости потомства представляя всѣ оттѣнки, всѣ переливающіяся степени этого соотношенія. Нельзя указать въ исторіи ни на одинъ родъ, который выдержалъ бы появленіе двухъ геніальныхъ въ себѣ личностей; если онъ заканчивается высокими дарованіями и ихъ

нѣсколько—они только талантливы (семья Баховъ въ музыкѣ); геній же истинный всегда и совершенно истощаетъ въ себѣ силы своего рода, и онѣ должны быть значительны и ранѣе нисколько не растрачены въ исторической дѣятельности, чтобы онъ былъ дѣйствительно великъ. Этимъ объясняется, почему въ моментъ высшаго разцвѣта національной жизни, когда появляется столько геніальнаго въ ней, на историческую сцену вдругъ выступаютъ *новые* роды, ничѣмъ особеннымъ ранѣе не проявившіе себя, хотя бы высокіе по общественному положенію (напр., Кай Гракхъ, Сулла и Цезарь въ Римѣ), и они совершенно затмеваютъ собою старые *дѣятельные* роды (родъ Фабіевъ въ Римѣ): эти послѣдніе въ долгомъ историческомъ трудѣ уже настолько истощили свою энергію, что хотя и теперь еще продолжаютъ выдѣлять изъ себя даровитыя личности, но уже не могутъ, какъ прежде, вести впередъ исторію. Ее ведутъ въ этотъ послѣдній моментъ и заканчиваютъ геніи, въ духовныхъ силахъ которыхъ сосредоточена нерастраченная энергія дотолѣ неизвѣстныхъ родовъ, и она растрачивается въ нихъ одновременно и вся, потому что и роды эти, произведя геніальную личность, угасаютъ съ нею или вокругъ ея, лишь недалеко отойдя отъ нея во времени.

Есть много мелочныхъ, но любопытныхъ чертъ и въ физической организаціи, и въ частной, внутренней жизни каждаго геніальнаго человѣка, которыя всѣ подтверждаютъ только что высказанный взглядъ на него. Подобно тому, какъ въ органической природѣ натуралисты замѣчаютъ, что жизненная энергія, уже выразившаяся въ одной формѣ красоты, не выражается ни въ какой другой ея формѣ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, красота оперенія у птицъ не совпадаетъ со звучностью голоса: такъ и въ чертахъ генія, красотою созданій котораго мы любуемся, мы видимъ часто померкнувшею обыкновенную физическую красоту. И если, пораженные этимъ явленіемъ, мы глубже будемъ всматриваться въ черты его лица, мы откроемъ въ нихъ не только отсутствіе красиваго, но часто и присутствіе чего-то отвратительнаго, отталкивающаго (напр., лицо Декарта или еще Канта). Тусклый, чаще всего неподвижный взглядъ, непріятное сложеніе рта, наконецъ, какъ замѣчаютъ многіе, нарушеніе самой симметріи въ строеніи лица (неполное подобіе правой и лѣвой стороны его)—все это вскрываетъ передъ нами самую глубь генія, въ которомъ органическій строй человѣческаго тѣла уже пошатнулся, ослабѣлъ центръ его и не сдерживаетъ болѣе въ гармоніи соотвѣтствующихъ другъ другу частей,—все полно смерти и разрушенія.

XXVII.

Если, вчитываясь въ біографіи великихъ людей, мы обратимъ вниманіе на возрастъ, въ которомъ возникли ихъ великія созданія, мы съ новой стороны увидимъ подтвержденіе всего сказаннаго. Несомнѣнно, что самое выполненіе этихъ созданій, техника творчества есть нѣчто второстепенное и незначущее сравнительно съ самымъ замысломъ ихъ; и въ этомъ отношеніи представляетъ величайшую важность точное опредѣленіе времени, когда возникъ этотъ послѣдній по отношенію къ каждому единичному произведенію. Насколько мы имѣемъ въ точныхъ біографическихъ данныхъ подобныя опредѣленія, они относятъ возникновеніе всѣхъ великихъ замысловъ, исполненіе которыхъ видѣла исторія, ко времени *первой молодости* геніальныхъ людей: позднѣе 30 лѣтъ едва-ли была создана хоть одна великая идея, задуманъ политическій планъ или вспыхнулъ образъ художественнаго созданія. Съ этого времени, обыкновенно, наступаетъ уже исполненіе замысла, то, что мы назвали выше техникой творчества. Гете и Ньютонъ, глубина созданій которыхъ, казалось бы, безусловно исключаетъ всякое представленіе о молодости, въ дѣйствительности именно въ этомъ возрастѣ задумали—первый своего „Фауста“, а второй—всѣ свои великія теоріи, и между ними теорію всемірнаго тяготѣнія; великія же открытія его въ математикѣ (теорія флюксій, биномъ и др.) всѣ сдѣланы были приблизительно на 23 и 24 годахъ жизни. Въ этомъ-же, приблизительно, возрастѣ Декартъ открылъ аналитическую геометрію и принципы новой философіи; Бэконъ задумалъ Novum Organum; не много старше этихъ лѣтъ Рафаэль и Моцартъ сошли въ могилу, создавъ рядъ твореній, которыя впервые шевельнулись въ нихъ, въ неясномъ образѣ, безъ сомнѣнія въ годы почти еще отрочества. Какъ будто какое-то глубокое и скрытое колебаніе происходитъ въ организаціи геніальнаго человѣка въ возрастъ, когда обыкновенно наступаетъ для человѣка время физической (половой) зрѣлости; станетъ-ли онъ, въ ряду другихъ людей, только продолжателемъ своего рода или создастъ чудныя произ-

веденія въ сферѣ мысли, искусства или политики — все это опредѣляется въ этотъ моментъ, все остается скрытымъ до времени, пока не наступитъ разрѣшеніе указаннаго колебанія. Что обусловливаетъ это рѣшеніе въ одну или другую сторону—мы даже и догадываться не можемъ. Но вотъ оно совершается; вся органическая энергія, именно теперь достигшая полнаго внутренняго напряженія и уже готовая-бы передаться въ томъ же видѣ потомству, вмѣсто этого черезъ какой-то непослѣдимый актъ преобразуется въ психическую; и, въ одно время, и потухаетъ въ немъ родъ, и зарождаются чудные замыслы будущихъ твореній.

Есть только одна черта, которая отличаетъ геніальное созданіе отъ всѣхъ другихъ, не геніальныхъ, того же рода: оно полно жизни, оно неугасимо живетъ среди людей, сковывая ихъ мысль своею мыслью, порабощая ихъ чувство въ немъ разлитымъ чувствомъ, покоряя ихъ волю, если относится къ сферѣ политики, нравственности или права. Никогда даже не пытались опредѣлить, откуда истекаетъ эта особенная жизненность всего геніальнаго. Но послѣ всего изложеннаго выше это должно быть ясно: оно несетъ въ себѣ жизнь безчисленнаго ряда людскихъ поколѣній, которыя не произойдутъ больше, которыя угасли, не появившись—для вѣчной жизни въ объективированномъ созданіи. Тотъ, въ комъ произошло это странное, глубокое и таинственное явленіе, имя кого не сойдетъ болѣе съ устъ людей, самъ стоитъ среди нихъ, погруженный въ себя, съ потухающимъ взглядомъ, и они называютъ его геніемъ.

XXVIII

Если бы мы захотѣли дать себѣ отчетъ, что между геніальными созданіями человѣка есть самое вѣковѣчное и наиболѣе достойное, то, послѣ нѣкотораго колебанія, безъ сомнѣнія назвали бы сферу религіознаго и нравственнаго. Если другими созданіями генія человѣкъ наслаждается и, наслаждаясь, тоскуетъ по какомъ-то и далекомъ и близкомъ мірѣ, который ему, однако, не открывается въ нихъ,—то, встрѣтивъ религіозное или нравственное, онъ вдругъ перестаетъ искать иныхъ и закрытыхъ міровъ, о которыхъ онъ почему-то знаетъ, начинаетъ любить это религіозное и сливается съ нимъ такъ тѣсно своею душой, что всегда почти предпочитаетъ разстаться со своею жизнью, нежели разстаться

съ нимъ. Преобразуется-ли при этомъ душа его, или именно оно, это религіозное, и становится самою душой въ немъ—объ этомъ мы не можемъ судить; но только исторія свидѣтельствуетъ намъ всѣмъ своимъ содержаніемъ, что хотя ни въ какой религіи не говорится ни о чемъ осязаемомъ и грубо извѣстномъ, хотя никому она не обѣщаетъ никакихъ благъ, и особенно—благъ земныхъ, такъ же осязаемыхъ и уже, несомнѣнно, извѣстныхъ — однако цѣлые народы поднимались на защиту того, что въ этой сферѣ они считали истиннымъ, и погибали безъ какого-бы то ни было сожалѣнія о томъ, что гибнутъ. Напротивъ, ихъ лица свѣтились радостью, они благословляли свою смерть за такое дѣло и умирали съ надеждою на какую-то иную и вѣчную жизнь. Въ религіи то, что наступаетъ для человѣка за гробомъ, и есть именно самое значущее и важное; земная же жизнь человѣка есть только ничтожный обрывокъ цѣлаго, не имѣющій внѣ отношенія къ нему никакой важности. Равно и все, что онъ создаетъ въ этой жизни геніальнаго или вульгарнаго, чему хочетъ и пытается придать значеніе абсолютнаго—религіею разсматривается, какъ второстепенное и временное; а главное, она учитъ—тамъ, за гробомъ, куда не унесетъ человѣкъ созданій своего генія, куда онъ уйдетъ *одинъ*, оставивъ по сю сторону все, что его такъ радовало или забавляло при жизни.

И удивительно, что всѣ эти ученія о томъ, о чемъ никакое внѣшнее чувство и никакой предметъ не говорятъ человѣку, онъ принимаетъ съ совершенною твердостью и повсемѣстно Соберите передъ нѣсколькими простыми людьми, вѣчно жившими только грубымъ опытомъ, тѣснымъ знаніемъ окружающаго, толпу ученыхъ, и если они станутъ имъ говорить о томъ, что земля есть шаръ, который они объѣхали кругомъ, сперва какъ бы спустившись внизъ и потомъ поднявшись вверхъ,—слушающіе найдутъ это мало вѣроятнымъ и не повѣрятъ, найдутъ противорѣчіе съ этимъ въ своемъ ежедневномъ опытѣ и отвергнутъ какъ *чудесное и невозможное*. Но вотъ передъ эту же толпу людей приходитъ человѣкъ, почти столь же простой, какъ они сами, и начинаетъ говорить имъ о томъ, что когда человѣкъ умретъ, и всѣ видятъ его трупъ, онъ въ сущности не умираетъ, но только переходитъ въ иную жизнь, радостную и вѣчную; и та же толпа, которая на увѣренія ученыхъ упорно и тупо молчала, услышавъ эти совершенно необыкновенныя слова, радостно и твердо говоритъ: „да, это такъ, это будетъ“, хотя

совершенно не знаетъ, какъ это будетъ, и почему, и гдѣ эта удивительная жизнь за гробомъ. Какое странное различіе въ воспріятіи истинъ равно маловѣроятныхъ, равно неизвѣстныхъ изъ окружающаго, и гдѣ причина этого различія—подумано-ли объ этомъ достаточно?

Итакъ мы должны признать существованіе въ человѣкѣ нѣкотораго темнаго инстинкта, гдѣ хранятся его религіозныя влеченія или идеи, и который до времени остается какъ бы безжизненнымъ, но пробуждается на встрѣчу идеямъ и влеченіямъ, идущимъ извнѣ. У однихъ людей этотъ инстинктъ находится какъ бы въ скованномъ состояніи и его содержаніе скудно, у другихъ же онъ полонъ жизненности и обиленъ по содержанію; но по чрезвычайной его распространенности въ родѣ человѣческомъ—мы должны думать, что совершенно нѣтъ людей, у которыхъ бы онъ отсутствовалъ, хотя и есть между ними вполнѣ отвергающіе религію. Какъ у слѣпорожденныхъ и глухихъ мы находимъ органы зрѣнія и слуха, но только недоразвитыя и отъ этого одного не дѣйствующіе,—такъ и у людей, искренно и правдиво говорящихъ, что они не чувствуютъ въ себѣ ничего религіознаго, объективно мы должны признать существованіе этого общаго человѣчеству инстинкта, но лишь въ состояніи зачаточномъ, болѣзненно недоразвившемся, который потому и не дѣйствуетъ.

Его проявленіе въ исторіи образуетъ то, что мы называемъ религіями; но, конечно, разсѣянныя черты религіознаго проникаютъ всю жизнь человѣка, сопутствуютъ словамъ его и поступкамъ, когда они и не имѣютъ прямаго отношенія къ религіи. Каждое доброе чувство къ ближнему, радость на чужое счастье, высказываніе правды, когда оно почему-либо трудно—все свѣтлое и, мы готовы сказать, истинно жизненное на землѣ есть религіозное; все то, что успокаиваетъ нашу душу и исполняетъ ее чувствомъ счастья, совершеннаго и вѣчнаго удовлетворенія,—таково лишь въ силу религіозной природы своей.

Но это—только черты религіознаго, то-есть, отдѣлившіяся части чего-то, что существуетъ и какъ цѣлое. Природа человѣческой души, ея существованіе за гробомъ и отношеніе тамъ къ чему-то высшему и безусловному, съ чѣмъ она имѣетъ какое-то сродство, неощутимую связь—вотъ что составляетъ это цѣлое, разсѣянныя черты котораго мы такъ любимъ въ своей жизни. Любопытно наблюдать, какъ неодинаково у различныхъ народовъ, населяющихъ землю, выражаются эти главныя, составныя части всякой религіи. По мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ низшимъ и низшимъ расамъ человѣчества, мы видимъ у нихъ религіозныя представленія все болѣе грубыми или недостаточными, съуживающимися и затемненными. Какъ-будто то, черезъ что проходитъ въ человѣческую душу религіозный свѣтъ, становится все меньше по мѣрѣ того, какъ мы отходимъ назадъ въ исторіи или спускаемся внизъ по ступенямъ развитія человѣческаго рода; и уменьшенію этого свѣта повсюду сопутствуетъ возрастаніе несовершенства человѣческой природы, какъ духовной, такъ и физической. Но окончательно этотъ свѣтъ нигдѣ не угасаетъ, и, можно сказать, гдѣ онъ начинается — тамъ начинается человѣкъ.

XXIX.

На различіе въ религіяхъ, которое породило столько неправильныхъ отношеній къ себѣ, мы должны смотрѣть какъ на степени, какъ на несовершенныя усилія слабой природы человѣка правильно отнестись къ тому, къ чему истинное отношеніе существуетъ одно. Ихъ содержимое, то, къ чему стремятся всѣ религіи, чего онѣ всѣ ищутъ—есть одно для всѣхъ людей, и одинаково они чувствуютъ это, но по различію своей духовной организаціи, по не одинаковому уровню своихъ способностей не умѣютъ придать единство и общность выраженію своего чувства. Но такъ какъ правдивость, глубочайшая серіозность есть общая черта всякаго отношенія къ религіи, то каждое племя человѣческое вмѣсто того, чтобы притворно поклоняться совершеннымъ способомъ, котораго оно не понимаетъ—у себя наединѣ, и скрываясь отъ взоровъ остальныхъ людей, поклоняется горестно и несовершенно, но правдиво и серіозно тому же высшему, чему поклоняются и всѣ люди, въ жалкой и немѣлой формѣ. Тайное и глубокое сознаніе несовершенства своего поклоненія вѣроятно присуще всѣмъ низшимъ религіямъ, и отъ этого именно онѣ тщательно скрываютъ отъ другихъ народовъ точное знаніе себя, окутываются мракомъ и таинственностью. Если бы кто-нибудь, пріобрѣтя это точное знаніе о религіозныхъ представленіяхъ какого-нибудь племени, сказалъ людямъ, принадлежащимъ къ нему: „только-то вы понимаете

о томъ существѣ, которому поклоняетесь: вотъ *все*, что я у васъ узналъ о немъ"—они, безъ сомнѣнія, рѣзко отвергнули бы *полноту* его свѣдѣній, со стыдомъ и трепетомъ, но и съ ненавистью къ спрашивающему, который ихъ мучитъ за малоспособность,—и въ ней они не виновны. Въ этомъ отрицаніи и высказалось бы признаніе несовершенства своего поклоненія, а въ этомъ стыдѣ и трепетѣ—чувство безпомощности своей подняться къ высшему и лучшему.

Нѣкоторое подобіе этихъ различій мы можемъ найти въ другихъ сферахъ человѣческаго творчества: всѣ люди имѣютъ нѣкоторыя геометрическія представленія (напримѣръ, что тѣла природы кромѣ длины, ширины и высоты не имѣютъ еще никакого четвертаго измѣренія), но не умѣютъ сколько-нибудь правильно выразить ихъ; другіе, уже наученные нѣсколько, умѣютъ выражать, хотя и не въ строго научной формѣ, ошибаясь и путая, свои геометрическія понятія, болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, которыя знакомы всѣмъ людямъ; по мѣрѣ возрастанія годовъ ученія и въ мѣру способностей учащихся—эти знанія, ихъ точность и обширность возрастаютъ; но и тѣ, которые, отличаясь даже геніальными способностями, всю долгую жизнь свою посвящали изученію математики—знаютъ, что многое въ ней остается скрытымъ отъ нихъ. Итакъ, область дѣйствительныхъ истинъ о пространствѣ и его формахъ неизмѣримо обширнѣе того, что̀ усвоено и, можетъ быть, что̀ усвоимо человѣкомъ. Такъ и въ сферѣ религіи полнота истины скрыта отъ человѣка, и даже части этой истины, однѣ данныя въ удѣлъ ему, онъ выражаетъ менѣе совершенно и болѣе совершенно, по мѣрѣ даровъ природы, которыми надѣленъ. Быть можетъ еще бляже подойдетъ уподобленіе, взятое изъ сферы чувства: за то, что близко и дорого дикарю, что ему родно—онъ, какъ и высоко развитой человѣкъ, отдаетъ свою жизнь; но выразить свое чувство къ нему онъ не можетъ иначе, кромѣ какъ въ нѣсколькихъ бѣдныхъ словахъ, простыхъ и неукрашенныхъ, порою безсвязныхъ. Прислушайтесь же къ тому, что̀ говоритъ объ этомъ самомъ дорогомъ существѣ высоко одаренный человѣкъ: онъ окружаетъ его поэзіей, то разсказываетъ о немъ вымыслы, то поетъ его въ пѣснѣ, то мудро разсуждаетъ о его значеніи. Однако чувство обоихъ, въ силѣ своей и достоинствѣ, остается одно.

Поэтому сознаніе своей ограниченности должно быть присуще каждому религіозному человѣку; и вмѣстѣ—чувство сострадания

ко всему, что не можетъ воспринять религіознаго даже и въ той несовершенной формѣ, въ какой оно стало уже доступно ему. Полный примиренія взглядъ на всѣ религіи, радость религіозному чувству въ другомъ, въ какой бы неумѣлой формѣ оно ни выражалось, при совершенно твердой увѣренности, что истинная форма такого выраженія есть только одна—все это должно стать естественнымъ послѣдствіемъ такого живаго отношенія къ религіи и глубокаго сознанія человѣческой слабости.

XXX.

Важнѣйшее различіе между религіей и между другими сферами человѣческаго творчества заключается въ неодинаковомъ отношеніи ихъ къ своему объекту. Возьмемъ-ли мы искусство, государство, науку, въ каждый моментъ своего существованія, въ каждомъ единичномъ своемъ проявленіи, они лишь слабо сознаютъ свое отношеніе къ общимъ и неподвижнымъ объектамъ, въ нихъ выражаемымъ: къ *красотѣ* въ самой себѣ, къ *благу* въ самомъ себѣ, къ *истинѣ* въ самой себѣ. Главное, значущее въ нихъ, есть они сами: *данное* учрежденіе или законъ, данное познаніе того или иного предмета, *эта* статуя, *эта* картина. Напротивъ, каждая религія и во всякій моментъ своего существованія бываетъ полна сознанія своего объекта, того Вѣчнаго Существа, къ которому она относится; и каждый отдѣльный актъ въ ней, каждый предметъ или явленіе въ ея сферѣ постоянно обращены бываютъ къ этому объекту, внѣ связи съ нимъ не имѣютъ вовсе никакого значенія. Такимъ образомъ, центръ, связующій и объединяющій всѣ порознь созданія въ извѣстной области, слабъ повсюду, кромѣ религіи, и каждая такая область является передъ нами, какъ міръ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ предметовъ, но только сходныхъ между собою, напримѣръ, скульптура—какъ рядъ скульптурныхъ произведеній, наука—какъ совокупность изслѣдованныхъ фактовъ, и также все прочее подобное. Въ религіи же этотъ связующій и объединяющій центръ могущественно господствуетъ надъ всѣми отдѣльными ея проявленіями, и о всякой религіи мы скажемъ, что она есть поклоненіе Богу, совершающееся такъ-то, но никогда не скажемъ, указывая на группу предметовъ (ритуалъ) или фактовъ (исторія), что они суть религія.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ о другихъ сферахъ творчества мы еще можемъ думать, что въ нихъ духъ человѣческій ищетъ выразить только богатство *своего* содержанія, о религіи мы должны сказать, что въ ней духъ человѣческій *своего* ничего не имѣетъ, онъ только ищетъ, стремится. Въ ней мы открываемъ, наконецъ, объектъ, къ которому направляется психическая дѣятельность человѣка, здѣсь именно наиболѣе напряженная, самая прекрасная, вѣковѣчная. Самый характеръ этой дѣятельности здѣсь настолько измѣняется, что намъ странно назвать ее „творчествомъ“, какъ мы называемъ ее всюду: дѣйствіе объекта становится такъ сильно и настолько ясно, что мы называемъ ее „воспріятіемъ“.

Но здѣсь мы достигли границы какъ предмета, который изслѣдуемъ, такъ равно и самого изслѣдованія. Вѣчное солнце, скрытый центръ жизни, подъ далекимъ лучомъ котораго нѣкогда впервые шевельнулось вещество особенно и своеобразно, и затѣмъ потянулось къ нему куда-то, съ каждымъ шагомъ приближенія становясь все оживленнѣе и прекраснѣе—этотъ центръ намъ открывается, наконецъ, въ религіи, какъ объектъ ея. Безъ какого-либо перерыва, слѣдя за рядомъ восходящихъ существъ, развивающихся одно изъ другого, мы, наконецъ, достигли грани его—человѣка, на которомъ пѣнь органическаго восхожденія прерывается; но, достигнувъ этой грани, органическая энергія не останавливается, а, преобразовавшись въ психическую, является въ человѣкѣ, какъ сила по-прежнему движущая и устроящая, но уже не его самого, а его созданія. Слѣдя и здѣсь за восхожденіемъ, которое продолжается, какъ и прежде, но только съ иными внѣшними чертами и въ иной сферѣ, мы отмѣчаемъ, какъ предварительную ступень его—образованіе человѣческихъ расъ, и затѣмъ въ послѣдней и предѣльной изъ нихъ, кавказской—находимъ исторію. Въ этомъ новомъ и своеобразномъ явленіи природы процессъ восходящаго творчества выраженъ особенно ярко и рѣзко, и въ немъ появляется черта, которая впервые бросаетъ свѣтъ на общій смыслъ всего восхожденія, на его вѣроятный конечный исходъ: каждое поднятіе по ея ступенямъ, всякій актъ психическаго творчества сообразно мѣрѣ своей сопровождается ослабленіемъ организаціи, изъ которой онъ исходитъ; человѣчество таетъ, восходя куда-то и по мѣрѣ того, какъ восходитъ. Находя различія въ силѣ и красотѣ творчества, мы

отыскиваемъ высшую грань его, непереступаемый предѣлъ — въ геніальномъ; и присматриваясь къ нему внимательнѣе видимъ, что въ немъ завершается исторія и оканчивается человѣкъ, первая не восходитъ болѣе и физическія черты втораго расшатываются и гаснутъ. Сравнивая различныя сферы, гдѣ проявляется геній, съ цѣлью отыскать высшую между ними и въ ней снова открыть нить восхожденія, мы останавливаемся на религіозномъ, какъ высшемъ на землѣ и драгоцѣннѣйшемъ для человѣка. Болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, достигнувъ этой сферы, человѣкъ обнаруживаетъ безпокойство, силится освободиться отъ чего-то тягостнаго, сбросить съ себя что-то, и лишь на столько, на сколько не успѣваетъ въ этомъ, остается еще неудовлетвореннымъ. Чувство окончательной удовлетворенности есть самое замѣчательное и совершенно исключительное, что приноситъ съ собою человѣку религія, и этотъ фактъ полонъ самаго глубокаго смысла. Великій Гёте, счастливый и спокойный, какимъ мы привыкли считать его, сказалъ однажды, что если собрать всѣ минуты его жизни, когда онъ былъ счастливъ, то ихъ едва наберется нѣсколько часовъ. Какое грустное сознаніе, какая глубокая тайна всей жизни человѣка высказана въ этихъ немногихъ словахъ: какъ бѣденъ и жалокъ, какъ слѣпъ представится намъ этотъ прозорливецъ-геній, если мы сравнимъ его съ какимъ-нибудь убогимъ странникомъ безъ имени, который кажется долженъ бы вѣчно проклинать судьбу свою, и вмѣсто этого—показываетъ намъ веселое лицо свое, говоритъ, что у него есть что-то, вслѣдствіе чего онъ никогда не можетъ быть несчастливъ.

Намъ остается сказать только нѣсколько словъ, чтобы закончить мысль свою. Если въ другихъ областяхъ творчества только созиданіе, но не воспріятіе созданнаго вызываетъ въ большей или меньшей степени угасаніе физической организаціи человѣка, то въ сферѣ религіи не только созиданіе, но и всякое очень сильное воспріятіе созданнаго сопровождается подобнымъ угасаніемъ. И здѣсь лежитъ объясненіе *аскетизма*, этой особенности религіозной жизни, которая такою глубокою и рѣзкою чертой отмѣчаетъ всякое повышеніе религіознаго чувства, и такъ странна для всякаго внѣшняго наблюдателя, такъ необычайна въ исторіи. Аскетизмъ, налагаемый на себя человѣкомъ, есть лишь смутное предчувствіе глубочайшей тайны, заложенной

въ существо его, только предвареніе вѣчной и необходимой судьбы его на землѣ. Достигнувъ своей цѣли, процессъ достиженія прекращается; когда она появляется—средства становятся болѣе не нужны и разсыпаются: таковъ общій законъ всякой цѣлесообразности, и онъ не нарушается въ человѣкѣ, какъ и нигдѣ въ мірозданіи.

На этотъ исходъ человѣческаго развитія мы не должны смотрѣть съ грустью, но радостно и съ надеждой: природа цѣлесообразности такова, что въ ней послѣдующее никогда не бываетъ низшее сравнительно съ предыдущимъ, и цѣль всегда лучше, нежели какое-либо изъ средствъ. Вотъ почему всякое сожалѣніе о разрушеніи послѣднихъ есть только ошибка чувства, не руководимаго мыслью. Нѣчто подобное тому глубокому явленію, которое совершается въ природѣ, когда органическая энергія преобразуется въ психическую, совершается безъ сомнѣнія и въ моментъ окончательнаго угасанія физической организаціи человѣка. Въ чемъ заключается это явленіе и какая иная и высшая форма существованія, нежели психическое, наступаетъ для человѣка за этимъ угасаніемъ—объ этомъ мы ничего не можемъ знать; но всѣ аналогіи въ природѣ заставляютъ предполагать ее, и объ ней говоритъ религія, какъ о чемъ-то свѣтломъ и радостномъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи объекта религіи къ объектамъ другихъ сферъ творчества. Истина въ самой себѣ, которую ищетъ человѣкъ въ знаніи, красота въ самой себѣ, которую онъ выражаетъ въ искусствахъ, добро въ самомъ себѣ, частицу котораго неполно и несовершенно осуществляетъ въ государствѣ—все это при сколько-нибудь внимательномъ анализѣ обнаруживаетъ себя, какъ свойство чего-то, а не какъ самостоятельное существо. И здѣсь, намъ думается, лежитъ объясненіе слабой связи этихъ сферъ творчества со своими объектами, которые всѣ суть только *признаки*. Если мы станемъ искать, что же связуетъ въ себѣ эти признаки, что является существомъ безусловно истиннымъ, безусловно благимъ и высшимъ нежели всякая красота, то мы найдемъ, что, по общему сознанію всего человѣчества, оно есть то самое, на что указываетъ ему религія. Такимъ образомъ, объектъ этой послѣдней является, въ своихъ вѣчныхъ и безусловныхъ аттрибутахъ, объектомъ и всѣхъ иныхъ сферъ творчества человѣка въ исторіи, и что бы послѣдній ни

совершалъ, къ чему-бы онъ ни стремился, зная или не зная, онъ всегда въ сущности стремится къ одному. Религія, поэтому, есть объединяющій центръ человѣческой жизни, и она остается таковою даже и тогда, когда ея имя не произносится. Можно идти къ предмету и не видя его; и всѣ тѣ, которые возставали когда-нибудь въ исторіи противъ религіи, насколько при этомъ искали истины—приближались къ ней. Но эта смѣсь истиннаго и ложнаго есть всегда свидѣтельство ограниченности человѣка: тѣ, которые были наиболѣе свободны отъ этой ограниченности, въ какой-бы сферѣ они ни трудились—всегда чувствовали этотъ общій центръ ихъ; отъ этого величайшіе художники были религіозными (Рафаэль, Мурильо), высшія произведенія зодчества суть храмы (Парѳенонъ, готическіе каѳедралы), и тѣ, которые были наиболѣе мудры изъ людей и раскрыли для человѣчества самыя глубокія тайны мірозданія, въ какое-бы время и среди какого народа они ни жили—всегда были религіознѣе своего времени и своего народа (Аристотель, Ньютонъ, Фарадэй). И можно вообще сомнѣваться, былъ-ли въ исторіи хотя одинъ человѣкъ, который при несомнѣнномъ величіи духовныхъ даровъ своихъ, и въ особенности при величіи мысли—въ то же время былъ бы не религіозенъ.

Мы коснулись внутренней стороны процессовъ природы, руководимые однимъ явленіемъ въ ней, самымъ глубокимъ и таинственнымъ—явленіемъ красоты. При этомъ мы обошли молчаніемъ проявленія ея въ холодной, безжизненной природѣ—самой темной въ мірозданіи, наиболѣе далекой отъ человѣка и всего менѣе для него постижимой со своей внутренней стороны.

Было бы несогласно съ требованіемъ осторожности, еслибы, оканчивая это изслѣдованіе, мы снова не оговорили той степени достовѣрности, которою обладаетъ оно: эта степень крайне недостаточна, она гораздо ниже той, какая всегда почти можетъ быть соблюдена при изслѣдованіи внѣшней стороны природы. Но въ той средѣ, гдѣ вращалось наше изслѣдованіе, и не остается ничего другаго сдѣлать, какъ только, введя свою мысль внутрь изучаемаго предмета и продолжая свободно и правильно раскрывать ее—смотрѣть: точно-ли отвѣчаютъ формамъ этой раскрывшейся мысли внѣшнія наблюдаемыя формы самаго предмета. Въ случаѣ ихъ соотвѣтствія, есть высокая вѣроятность

думать, что мысль, избранная нами для объясненія предмета, дѣйствительно выражаетъ его скрытую, внутреннюю природу.

Эту степень вѣроятія, оглядываясь на пройденный путь, мы можемъ признать за мыслью, положенною нами въ основу объясненія двухъ великихъ сферъ природы: органическаго міра и человѣческой исторіи. Сила цѣлесообразности, являющаяся въ первомъ какъ органическая энергія, зиждущая, устрояющая и совершенствующая его въ частяхъ и въ цѣломъ, во второмъ является какъ психическая дѣятельность, которая, наростая во времени (въ силу цѣлесообразной природы своей), становится творчествомъ. Такимъ образомъ, двѣ объясняемыя сферы природы, запечатлѣнныя одинаковою чертой—присущимъ имъ *развитіемъ*, являются носителями одного и того же начала, но которое проявляется въ каждой изъ нихъ въ различной формѣ. Глубокая соотносительность между органическою энергіей и психическимъ творчествомъ, которую мы прослѣдили фактически на явленіи красоты въ природѣ и на всѣхъ важнѣйшихъ, всеобщихъ явленіяхъ исторіи, заставила насъ признать это единство; а наростаніе во время этого общаго для органическаго міра и для исторіи начала, въ связи съ закономъ возрастанія энергіи всякаго явленія по мѣрѣ приближенія его къ своему источнику, побудило насъ признать это начало за цѣлесообразность.

Идея цѣлесообразности, такимъ образомъ, дозволяетъ намъ хоть какъ-нибудь понимать природу въ цѣломъ; и въ этомъ мы видимъ ея преимущество передъ идеей механической причинности, которая остается, какъ теорія—въ одной сторонѣ, а природа, какъ цѣлое — въ другой, безъ какого-либо соотвѣтствія, взаимно безполезныя другъ для друга. Только внѣшнюю и детальную сторону отдѣльныхъ явленій механическая исторія объясняетъ правильно и просто, и насколько наука состоитъ въ объясненіи ихъ—она можетъ пользоваться ею. Но всякій разъ, когда отъ анализа она восходитъ къ синтезу, когда она хочетъ возвыситься до пониманія всей красоты, устроенности и (въ особенности) развитія природы, она не можетъ ничего иного сдѣлать, какъ, оставляя механизмъ въ значеніи *пособія* при объясненіи, сдѣлать *центральнымъ* въ этомъ объясненіи—понятіе цѣлесообразности. Причинность *участвуетъ* въ устройствѣ мірозданія, но *устрояетъ* его—цѣлесообразность, всегда при помощи причинъ какъ *посредствующаго*, и хоть необходимаго, но служебнаго.

Кто приступаетъ къ изученію природы безъ какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ какъ понять ее, не можетъ уклоняться отъ этого принципа, столь удобнаго для пониманія. Но исключительность этой цѣли столь рѣдка, что мы не можемъ не признать стремленія къ ней одной—чѣмъ-то дѣйствительно труднымъ для человѣка. И, между тѣмъ, это трудное есть единственное условіе *внутренней* свободы науки, то-есть, одинаковой готовности ея воспользоваться всякимъ объясненіемъ, которое удобно. Трудно человѣку поклоняться одной истинѣ, и онъ вѣчно ищетъ еще какихъ-то иныхъ боговъ, даже когда повидимому враждуетъ съ ними.

СССР. ИНСТИТУТ